

Ролевой К. А.

ЮБИЛЕЙ

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНЕЙ

ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ГРЕЧА.

27-го Декабря 1854.

Составлено КС. ПОЛЕВЫМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Императорской Академии Наукъ.

1855.

1771

РГ 3337

Г 67 Z 76

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное
число экземпляровъ. С. Петербургъ, Іюня 9 дня, 1855 года.

Ценсоръ В. Бекетовъ.

Nikolai Trubetzkoy

ВАЗА
поднесенная
НИКОЛАЮ ИВАНОВИЧУ
ГРЕЧУ,

въ день празднованія юбилея его пятидесятилѣтней
литературной дѣятельности, 27го Декабря 1854 года.

ЮБИЛЕЙ

НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ГРЕЧА,

27-го Декабря 1854 года.

Въ Исторіи Русской Литературы должно быть отмѣчено 27-е Декабря 1854 года: день, въ который избранное петербургское общество отпраздновало юбилей литературной дѣятельности Николая Ивановича Греча. Чтобы вѣрно оцѣнить значеніе этого праздника, перваго въ своемъ родѣ въ Россіи, послѣ юбилея, даннаго въ 1838 году И. А. Крылову, должно, прежде всего, съ радостнымъ чувствомъ вспомнить, что Государь Императоръ, Высочайшимъ соизволеніемъ Своимъ выразить заслуженному литератору общую признательность за полезныя труды его, оказалъ тѣмъ вниманіе всѣмъ русскимъ литераторамъ, и утвердилъ ихъ въ убѣжденіи, что полезная дѣятельность на этомъ поприщѣ такъ же можетъ заслужить отеческое Его одобреніе, какъ и другіе полезныя и больше блистательныя труды. Это событіе, счастливое для Русской Литературы, было, такимъ образомъ, праздникомъ всѣхъ образованныхъ людей въ Россіи.

Литературныя заслуги и жизнь Н. И. Греча извѣстны намъ, Русскимъ : они изложены и въ біографическомъ очеркѣ, ¹⁾ и въ рѣчахъ, далѣе сего слѣдующихъ. Избѣгая повтореній, ограничимся здѣсь только рассказомъ, какимъ образомъ составила и была приведена въ исполненіе мысль о юбилеѣ Н. И. Греча, какъ началось и какъ совершилось это достопамятное торжество.

Не одни друзья и знакомые Н. И. Греча, но и всѣ, кто зналъ, что исполнилось уже пятьдесятъ лѣтъ литературной его дѣятельности, желали выразить ему признательность за труды его, полезные отечеству. Нѣсколько поколѣній людей образованныхъ воспиталось, непрерывно повторяя имя его какъ журналиста, какъ изслѣдователя Русскаго Языка, какъ составителя лучшихъ русскихъ грамматикъ, какъ литератора остроумнаго и пріятнаго, всегда готоваго способствовать всѣмъ успѣхамъ, всѣмъ полезнымъ предпріятіямъ въ Русской Литературѣ. Если Крылова называли *дѣдушкой* юныхъ поколѣній, то Н. И. Греча справедливо назвать *учителемъ* ихъ въ Русскомъ Языкѣ, въ Русской Словесности. При такомъ расположеніи всей нашей образованной публики, извѣщеніе о юбилеѣ Н. И. Греча было встрѣчено въ Петербургѣ съ общимъ, искреннимъ удовольствіемъ. Изъ объявленія, напечатаннаго въ газетахъ, узнали, что «Государь Императоръ, въ милостивомъ вниманіи къ литературнымъ заслугамъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Николая Ивановича Греча, Высочайше соизволилъ разрѣшить отпраздновать пятидесятилѣтній юбилей полезной его дѣятельности, и поднести ему, въ память этого случая, кубокъ или другую какую либо вещь.»

¹⁾ См. Приложение I.

Высочайшее соизволеніе было испрошено чрезъ Г. Министра Императорскаго Двора, къ вѣдомству котораго принадлежитъ Н. И. Гречъ по званію почетнаго члена Императорской Публичной Библіотеки. Его Императорское Высочество Государь Цесаревичъ благоволилъ довершить царскую милость соизволеніемъ на празднованіе юбилея въ зданіи 1-го Кадетскаго Корпуса.

Распорядители юбилея: Адмиралъ Петръ Ивановичъ Рикордъ, Генералъ-Адъютантъ Яковъ Ивановичъ Ростовцовъ, и Тайные Совѣтники: Александръ Максимовичъ Княжевичъ, Владиміръ Ивановичъ Панаевъ и Графъ Ѳедоръ Петровичъ Толстой, обратились первоначально къ Директору Императорской Публичной Библіотеки, Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Барону Корфу. Модестъ Андреевичъ вошелъ съ представленіемъ о томъ къ Министру Императорскаго Двора. Графъ Владиміръ Ѳедоровичъ Адлербергъ объявилъ Высочайшее соизволеніе.

По первому о томъ извѣстію, одни спѣшили записываться въ участники объявленнаго празднества, не спрашивая, сколько надобно было внести на необходимыя издержки ¹⁾; другіе, опоздавшіе записаться, готовы были внести тройную цѣну, только бы участвовать въ общемъ празднествѣ. Но приношенія были принимаемы только до 21-го Декабря, и послѣ сего числа всѣмъ было отказываемо. Всѣхъ участниковъ въ юбилей оказалось триста семнадцать ²⁾. Ихъ было бы несравненно больше, какъ спра-

¹⁾ Цѣна билету не была назначена: нѣкоторые участники въ празднествѣ внесли по 50 р., по 25 р., по 15 р., иные по 10 и по 5 р.; по 2 р. 50 коп. и по одному рублю серебромъ.

²⁾ Сообщаемъ списокъ ихъ, въ азбучномъ порядкѣ, въ приложеніи XII

ведливо замѣтилъ одинъ изъ говорившихъ привѣтственные рѣчи Н. И. Гречу, если бъ современныя событія не увлекли на поприще войны многихъ почитателей юбиляра.

Празднество происходило 27-го Декабря. Въ этотъ день, съ четырехъ часовъ пополудни, начали собираться гости въ обширныхъ залахъ 1-го Кадетскаго Корпуса. Для характеристики событія необходимо замѣтить, что зданіе Корпуса соединено для Н. И. Греча со многими воспоминаніями: тамъ жилъ и двадцать четыре года служилъ его дѣдъ, тамъ родился его отецъ. Въ самомъ выборѣ помѣщенія видно глубокое вниманіе распорядителей праздника, которые желали окружить юбиляра все́мъ что могло быть пріятно его сердцу. И нельзя было выбрать для подобнаго праздника лучшаго помѣщенія. Нынѣшній 1-й Кадетскій Корпусъ находится въ палатахъ знаменитаго любимца Петра Великаго, Князя Александра Даниловича Меншикова, въ домѣ, богатомъ историческими воспоминаніями. Главная зала Корпуса, назначенная для торжественныхъ случаевъ, одна изъ самыхъ обширныхъ и самыхъ изящныхъ въ Петербургѣ. Она въ два свѣта, украшена военными медаліонами Отечественной Войны (Графа Ѳ. П. Толстаго) въ увеличенныхъ размѣрахъ, портретами нашихъ Государей и колоссальнымъ бюстомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича. Величественная зала эта блистала въ вечеръ юбилея тысячами свѣчъ, превращена была множествомъ зеленѣющихъ и цвѣтущихъ деревъ и растеній въ прекрасный садъ, и посреди ея, въ нѣсколько рядовъ поставлены были накрытые для обѣда столы, великолѣпно украшенные золотомъ, серебромъ, бронзою, хрусталемъ и цвѣтами. Въ эту залу перешли гости, когда, въ пять часовъ пополудни, явился посреди

ихъ Н. И. Гречъ, сопровождаемый распорядителями праздника: Я. И. Ростовцовымъ, А. М. Княжевичемъ, В. И. Панаевымъ и Графомъ Ѳ. П. Толстымъ ¹⁾). Прекрасна была минута, когда блестящая толпа гостей, при звукахъ громкой музыки, разлилась по обширной залѣ. На особо устроенной эстрадѣ, посреди цвѣтовъ и зелени, видно было много дамъ, желавшихъ быть свидѣтельницами литературнаго праздника; въ числѣ ихъ были семейство Николая Ивановича и нѣкоторыя русскія писательницы. Блестящіе мундиры, звѣзды и ленты перемѣшивались съ черными фраками. Русскіе собрались праздновать юбилей русскаго литератора, и все напоминало намъ русское чувство, русское одушевленіе. Музыку исполнялъ оркестръ знаменитаго Лядова.

Въ половинѣ обѣда, роскошнаго и одушевленнаго общимъ удовольствіемъ, провозглашено было, А. М. Княжевичемъ, здравіе Государя Императора. Всѣ гости отвѣчали восторженными *ура*, которое долго оглашало залу, оркестръ игралъ народный гимнъ. За первымъ слѣдовали тосты: второй, за Государыню Императрицу; третій, за Императорскую Фамилію; четвертый, за Августѣйшаго Хозяина, Благодѣтеля Военно-Учебныхъ Заведеній; пятый, за благоденствіе Россіи; шестой, за наше чудное войско; седьмой, за русское просвѣщеніе; осьмой, за честнаго дѣятеля въ пользу русскаго просвѣщенія, за нашего почтеннаго юбиляра.

Междѣ этими тостами былъ одинъ умилительный эпизодъ. Всѣ присутствующіе были такъ проникнуты чувствомъ преданно-

¹⁾ Къ сожалѣнію общему, Адмиралъ Петръ Ивановичъ Рикордъ, старшій изъ распорядителей, удержанъ былъ тяжкою болѣзнію отъ участія въ юбилеѣ.

сти и благоговѣнія къ Августѣйшему Покровителю просвѣщенія Россіи, Который и при громахъ войны, оглашающихъ многіе предѣлы нашего отечества, не перестаетъ быть внимательнымъ даже къ скромному труженику-литератору, всѣ были такъ проникнуты мыслью о Великомъ Благодѣтелѣ Россіи, что, при произнесеніи тоста за благоденствіе Россіи, послѣ мгновенной общей тишины, вдругъ воскликнули: «гимнъ! гимнъ!» и при громогласномъ «ура!» снова начался торжественный народный гимнъ, которому вторили, конечно, всѣ присутствовавшіе. . . . Зала огласилась звуками нѣсколькихъ сотъ голосовъ. Много было умилительнаго въ этомъ выраженіи русскихъ людей, которые благоговѣнно славили своего Монарха, уносясь мыслью ко всему, что свершилъ и еще свершитъ Онъ для блага Россіи! . . .

Послѣ тоста за русское просвѣщеніе, господа распорядители поднесли юбиляру великолѣпный серебряный вызолоченный кубокъ, изящной работы русскаго художника Сазикова ¹⁾). Александръ Максимовичъ Княжевичъ сказалъ ему притомъ: «Почитатели вашего таланта и вашихъ трудовъ на пользу Русскаго Языка, какъ здѣсь собравшіеся, такъ и разбѣянные по лицу обширнаго нашего отечества, просятъ васъ, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, принять и сохранить въ вашемъ потомствѣ эту вазу, какъ знакъ ихъ общей къ вамъ любви и уваженія, на память настоящаго дня, столь пріятнаго для васъ и для нихъ, и вдвойнѣ знаменательнаго, потому

¹⁾ Съ одной стороны вазы изображено: *Николаю Ивановичу Гречу*. Съ другой: *1804—1854*. Съ третьей: *Сынъ Отечества 1812*. Съ четвертой: *Русская Грамматика*. На крышѣ вазы русскій парень, читающій книгу.

что онъ вѣнчаетъ полуѣжковое поприще дѣятеля трудолюбиваго, и ободряетъ вступающихъ на путь труда.»—Господинъ Министръ Народнаго Просвѣщенія, Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ, поздравилъ Н. И. Греча съ заслуженнымъ торжествомъ, «которому положилъ основаніе изданный въ достопамятную эпоху 1812 года Сынъ Отечества и напослѣдокъ Русская Грамматика.» Тостъ юбиляра былъ провозглашенъ и принятъ единодушно. Затѣмъ Владиміръ Рафаиловичъ Зотовъ прочелъ стихи своего сочиненія ¹⁾. Стихи эти возбудили искренній восторгъ слушателей, излившійся въ громкихъ рукоплесканіяхъ, и, по общему требованію, были прочтены авторомъ вторично. Толпа тѣснившихся гостей разступилась, когда къ столу, за которымъ сидѣлъ юбиляръ, стройно подошли старшіе кадеты (фельдвებель и унтеръ-офицеры) 1-го Кадетскаго Корпуса, и одинъ изъ нихъ прочелъ краткую, но проникнутую чувствомъ рѣчь, которая, конечно, была особенно пріятна юбиляру, родному, по своимъ воспоминаніямъ, съ этими цвѣтущими юношами, преемниками многихъ славныхъ предшественниковъ своихъ, получившихъ образованіе въ 1-мъ Кадетскомъ Корпусѣ, старѣйшемъ изъ всѣхъ Военно-Учебныхъ Заведеній.

Вотъ привѣтствіе кадетъ:

«Родной дѣдъ вашъ, инспекторъ классовъ Сухопутнаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса, былъ, около ста лѣтъ тому назадъ, руководителемъ образованія нашихъ давнишнихъ совоспитанниковъ.

«Отецъ вашъ родился въ нашемъ домѣ.

«Воспитанники и нашего Корпуса и всѣхъ Военно-Учебныхъ Заведеній учились, въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ, родному языку, по вашимъ наставленіямъ.

¹⁾ См. Приложение II.

«Имя Греча не может не быть для насъ дорого.

«Отъ лица всѣхъ Военно-Учебныхъ Заведеній привѣтствуемъ, съ любовью и благодарностью, полувѣковой юбилей вашей полезной для насъ дѣятельности.»

Молодой поэтъ Николай Алексѣевичъ Арбузовъ прочелъ послѣ этого свои стихи ¹⁾. Николай Ивановичъ не могъ долѣе удерживать своихъ ощущеній, и выразилъ ихъ въ импровизаціи, прерывавшейся только рукоплесканіями слушателей и криками: браво! Онъ говорилъ съ искренностью, которая была выше всякаго краснорѣчія, потому что въ этой искренности выражалась прекрасная душа, взволнованная благородными чувствованіями. Онъ былъ и умилителенъ, и веселъ, и даже шутливъ въ своей рѣчи: онъ былъ въ ней весь. Когда, при громкихъ рукоплесканіяхъ, онъ кончилъ рѣчь, окружавшіе стали просить его припомнить и въ первыя минуты отдыха записать эту одушевленную импровизацію. Онъ исполнилъ общее желаніе, и мы можемъ здѣсь представить ее. По крайней мѣрѣ, кто не слышалъ ея оживленной голосомъ оратора, тотъ пойметъ хоть отчасти удовольствіе, которое ощущали слушатели въ то время, когда онъ говорилъ. Вотъ эта рѣчь, выраженіе души, воспламененной признательностью :

«По принесеніи Господу Богу теплой молитвы за сохраненіе моей жизни и здоровья до нынѣшняго счастливаго дня, первымъ движеніемъ моего сердца было выраженіе вѣрноподданнической благодарности Его Величеству Государю Императору за Всемилостивѣйшее соизволеніе на празднованіе пятидесятилѣтія моей литературной дѣятельности. Великій Государь нашъ, среди трудовъ и заботъ, обременяющихъ Его въ нынѣшнее тяжкое время, благоволилъ обратить отеческое

¹⁾ См. Приложеніе III.

вниманіе свое на человѣка, не отличающагося ни блистательными талантами, ни обширною ученостью, но преклоненнаго любовью къ Нему и къ отечеству, трудолюбиваго и благонамѣреннаго. Второю лестною для меня наградою было милостивое соизволеніе Его Императорскаго Высочества, Государя Цесаревича Наслѣдника Престола, отпраздновать мой юбилей въ Первомъ Кадетскомъ Корпусѣ, съ которыми соединяются сладостныя для меня семейственныя воспоминанія и преданія. — Если я умолчу, заговорятъ стѣны сего зданія. Здѣсь возникло и разцвѣло просвѣщеніе и образованіе Россіи. За сто двадцать два года предъ симъ учреждено было первое въ Россіи свѣтское учебное заведеніе, Сухопутный Кадетскій Корпусъ, и въ немъ получили воспитаніе многіе государственные люди, военачальники и писатели русскіе. Императрица Екатерина II, по всей справедливости, называла кадетскій корпусъ расадникомъ великихъ людей. И этотъ вертоградъ отечественнаго просвѣщенія не оскудѣлъ, напротивъ послужилъ началомъ и основаніемъ другимъ подобнымъ заведеніямъ. Въ концѣ царствованія Императрицы Екатерины II было въ Россіи всего четыре военно-учебныя заведенія, въ которыхъ воспитывались около полуторы тысячи человѣкъ. По отчету же, представленному начальствомъ сихъ заведеній за двадцать пять лѣтъ со времени вступленія на престолъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, было въ Россіи въ 1851 г., военно-сухопутныхъ учебныхъ заведеній двадцать три, и въ нихъ до десяти тысячъ воспитанниковъ. Въ теченіе двадцати пяти лѣтъ выпущено четырнадцать тысячъ пятьсотъ офицеровъ. И какихъ? Подите на поля брани, и спросите о томъ у враговъ нашихъ. Они засвидѣтельствуютъ о геройскихъ подвигахъ русскихъ офицеровъ. Не говорю уже о тѣхъ, которые, долговременною службою и опытностью, приобрѣли права на уваженіе и почести. За полгода предъ симъ, въ этой самой залѣ, молодые воспитанники кадетскихъ корпусовъ, отчасти еще дѣти, экзаминовались на офицерскіе чины. И съ тѣхъ поръ сколько изъ нихъ уже заплатили долгъ отечеству смертью на полѣ брани или тяжкими ранами, которыя они переносили съ геройскимъ терпѣніемъ, радостно страдая за славу своего Государя и отечества. — Этимъ обязаны Военно-Учебныя Заведенія родительскимъ о нихъ попеченіямъ

Изъ Императорскихъ Высочествъ покойнаго Великаго Князя Михаила Павловича, и нынѣшняго своего Главнаго Начальника, Государя Цесаревича.

«На продолжительномъ пути, пройденномъ мною, благотворныя свѣтила озаряли путь сей, согрѣвали мою душу, и давали мнѣ силы дѣйствовать на пользу общую. Покойному Государю Императору Александру Павловичу обязанъ я воспитаніемъ. Его щедротами, Его неоцѣненнымъ вниманіемъ поощряемъ я былъ въ трудахъ моихъ, и до конца дней сохраняю благоговѣнное о великомъ, мудромъ и кроткомъ Государѣ воспоминаніе. Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна осчастливила меня, принявъ въ службу по своимъ благотворительнымъ заведеніямъ, жаловала и награждала сверхъ заслугъ моихъ. Вещественныя знаки Ея неоцѣннаго вниманія хранятся священнымъ заветомъ въ моемъ семействѣ, а милостивыя слова Ея, благосклонная улыбка одобренія — запечатлѣны навѣкъ въ моемъ сердцѣ. — Государь Великій Князь Михаилъ Павловичъ осчастливилъ меня лестнымъ и важнымъ порученіемъ, котораго я, къ сожалѣнію моему, при жизни Его Высочества не успѣлъ исполнить, но довершилъ въ управленіе Военно-Учебными Заведеніями Августѣйшаго Его Преемника. Его Императорское Высочество покойный Принцъ Георгій Ольденбургскій, по званію попечителя училища, въ которомъ я служилъ при немъ, благоволилъ ко мнѣ, и не оставлялъ меня до своей кончины ободрительнымъ своимъ вниманіемъ.

Теперь, Мн. Г., позвольте мнѣ обратиться къ началу моего поприща, къ туманнымъ воспоминаніямъ младенческихъ лѣтъ, совпадающимъ съ послѣднимъ десятилѣтіемъ XVIII вѣка, съ послѣдними годами царствованія Императрицы Екатерины II, которую я, въ дѣтствѣ моемъ, ниѣлъ счастье видѣть нѣсколько разъ. Изъ этого времени остались въ моей памяти лики моихъ родителей: моего добраго, честнаго, безкорыстнаго отца, моей любезной матери, женщины возвышенной умомъ и образованіемъ, одаренной добрымъ сердцемъ и кроткимъ нравомъ, чадолубивой и добродѣтельной. Она выучила меня читать, она внушила мнѣ любовь къ познаніямъ и словесности; она, постигнувъ нѣжнымъ женскимъ чувствомъ все величіе Карамзина, старалась передать мнѣ вкусъ и склон-

ность къ изящному, благородному, возвышенному въ мѣрѣ и въ литературѣ, старалась внушить мнѣ понятія и правила истиннаго христіанина. Ей, исключительно ей, обязанъ я, если успѣлъ сдѣлать что либо хорошее въ жизни, если принесъ пользу моимъ ближнимъ. Съ нею раздѣляетъ мою вѣчную благодарность братъ ея, мой дядя, Александръ Яковлевичъ Фрейгольдъ, бывшій руководителемъ моихъ отроческихъ лѣтъ, учившій меня математикѣ, указывавшій мнѣ законы мышленія, и обязанности человека и вѣрноподаннаго. Къ несчастью моему, лишился я его слишкомъ рано: кончина его совпадаетъ со вступленіемъ моимъ на поприще службы и занятій словесностью. Еще долженъ я упомянуть, съ выраженіемъ искренней признательности, о другомъ близкомъ мнѣ родственникѣ со стороны моего отца, Павлѣ Христіановичѣ Безакѣ, воспитанникѣ Сухопутнаго Корпуса, въ которомъ отецъ его, занявшій мѣсто моего дѣда, служилъ въ теченіе сорока лѣтъ съ честью и славою. Павелъ Христіановичъ, человекъ большаго ума и необыкновенныхъ дарованій, замѣтивъ во мнѣ склонность къ ученію, поощрялъ и одобрялъ мои первые опыты; подаривъ мнѣ собраніе полезныхъ книгъ, положилъ основаніе моей бібліотекѣ, далъ средства пріобрѣсть необходимыя для меня познанія, и до самой кончины своей былъ мнѣ руководителемъ и другомъ.

«Я получилъ воспитаніе въ Юнкерскомъ Институтѣ, учрежденномъ въ царствованіе Императора Павла Петровича при Сенатѣ, для образованія гражданскихъ чиновниковъ. Съ душевною признательностью вспоминаю о моихъ почтенныхъ наставникахъ: Михаилѣ Никитичѣ Цвѣтковѣ, Павлѣ Петровичѣ Острогорскомъ, Борисѣ Ивановичѣ Иванцкомъ и Павлѣ Христіановичѣ Шлейснерѣ.

«Семейная жизнь, дѣтство есть заглавіе, а школа предисловіе въ книгѣ нашей жизни. Дитя, въ эти годы, есть сѣмячко, повѣряемое лону матери земли, въ которой оно, въ теплѣ и неизвѣстности, развивается и пускаетъ ростокъ, но лишь только этотъ ростокъ выглядываетъ на свѣтъ, встрѣчаютъ и терзаютъ его бѣды всякаго рода: и солнце печетъ, и дождь съечетъ, и вѣтеръ вырываетъ, и сосѣднія растенія тѣснятъ и жмутъ его. Потребенъ трудъ добраго и попечительнаго земледѣльца, чтобъ юное растеніе не засохло, не погибло. Такихъ благодѣтелей

и хранителей послалъ мнѣ Богъ въ первые годы вступленія моего въ свѣтъ. Позвольте мнѣ наименовать предъ вами тѣхъ почтенныхъ особъ, которыя были моими благодѣтелями въ жизни, которыя, предстательствомъ у Высочайшаго Престола, личнымъ своимъ покровительствомъ и одобреніемъ, и наконецъ другими пособіями, облегчили мнѣ тернистую дорогу въ свѣтъ. Первымъ изъ нихъ былъ Алексѣй Николаевичъ Оленинъ. Въ званіи директора Юнкерскаго Института, онъ отличилъ меня за успѣхи въ наукахъ, ободрилъ, приблизилъ къ себѣ, ввелъ въ свой домъ, бывшій мѣстомъ сходбища ученыхъ, литераторовъ и артистовъ, знаменитостей и талантовъ во всѣхъ родахъ, помогалъ мнѣ всячески при началѣ Сына Отечества, исходатайствовалъ мнѣ у Государя значительное по тому времени денежное пособіе, и во всю свою жизнь былъ мнѣ истиннымъ благодѣтелемъ и покровителемъ. Безъ его великодушнаго пособія, безъ его поощрительнаго одобренія никакъ не могъ бы я достигнуть цѣли, которую предположилъ, посвятивъ себя наукамъ и литературѣ. По кончинѣ моего благодѣтеля просилъ я какъ милости, чтобъ мнѣ позволили принять участіе въ церемоніи его погребенія: пронесъ изъ Большой Морской до Александро-Невской Лавры, предъ гробомъ его, александровскую ленту, обливая ее горячими слезами искренней благодарности. — Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, за сорокъ восемь лѣтъ предъ симъ, поднесъ покойному Государю мой переводъ одной политической брошюры, и я получилъ за этотъ трудъ первую царскую награду, вотъ эти самые золотые часы. Священнымъ долгомъ поставляю исчислить предъ вами имена особъ, которымъ я былъ обязанъ въ жизни, въ службѣ, въ занятіяхъ литературою и науками: Графа Александра Сергѣевича Строганова, Князя Виктора Павловича Кочубея, Графа Николая Петровича Румянцова, Графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, Графа Алексѣя Андреевича Аракчеева, Осипа Петровича Козодавлева, Высокопреосвященнаго Евгенія, Митрополита Кіевскаго, Графа Егора Францовича Канкринъ, Графа Александра Христофоровича Бенкендорфа, Дмитрія Васильевича Дашкова, Графа Михайла Михайловича Сперанскаго, Графа Павла Петровича Сухтелена, Григорія Ивановича Вилламова, Карла Ѳедоровича Модераха, Ивана Ѳедоровича Савра-

сова, Николая Мартыановича Сипягина, Максима Яковлевича фонъ-Фока, Якова Александровича Дружинина, Гаврила Герасимовича Политковского, Барона Людвигъ Ивановича Штиглица, Ивана Осиповича Тимковского, Дмитрія Максимовича Княжевича, Ивана Мартыновича Борна, Дмитрія Ивановича Языкова, Іоанна Муральта, Ивана Ивановича Вейсе и Маріи Христіановны Ришаръ.

«Называю однихъ отшеднихъ уже изъ здѣшняго міра, но не могу не присовокупить къ нимъ имени еще одного почтеннаго мужа, который находится въ живыхъ, Графа Сергія Семеновича Уварова, который сдѣлалъ мнѣ много добра въ молодые мои годы. Къ именамъ сихъ знаменитыхъ и извѣстныхъ людей присовокупаю имя простаго русскаго челоука, санктпетербургскаго мѣщанина, бумагопродавца Алексѣя Алексѣевича Завѣтнава, который, при начатіи мною Сына Отечества, по влеченію пламеннаго патріотисма и по дружбѣ ко мнѣ, помогъ мнѣ самымъ безкорыстнымъ и благороднымъ образомъ.

«Званіе литератора, писателя, избралъ я по собственному своему, безотчетному желанію. Съ дѣтскихъ лѣтъ казалось мнѣ большимъ счастіемъ быть сочинителемъ и имѣть типографію. И этимъ счастіемъ я наслаждался вполне. Признаюсь, и нынѣ, послѣ пятидесятилѣтнихъ занятій, трудовъ и опытовъ на этомъ поприщѣ, если бѣ слѣдовало избрать мнѣ путь въ жизни, я не избралъ бы другаго. И теперь пошелъ бы въ сотрудники журнала, рублей по пяти съ листа. Одною изъ важныхъ выгодъ званія литератора считаю я то, что онъ имѣетъ случай и возможность быть близкимъ, знакомымъ, дружнымъ съ лицами первостепенныхъ заслугъ и дарованій, со всѣмъ, что нація представляетъ свѣту благороднаго и блистательнаго. Такъ я зналъ лично Державина, Дмитриева, Карамзина, Жуковскаго, Крылова, Грибоѣдова, Пушкина, Гвѣдича, Загоскина, Зедделера, Полеваго, съ нѣкоторыми изъ нихъ былъ въ пріязни и въ дружбѣ. Вообще я былъ въ пріятныхъ и часто въ короткихъ связяхъ со всѣми благородными и достойными литераторами русскими, и съ нѣкоторыми писателями иностранными. Не исчисляю ихъ именъ: сердце мое ихъ хранить, помнить и любить, но память можетъ измѣнить, и неумышленный пропускъ имени котораго либо изъ нихъ можетъ

быть перетолковать въ иную сторону. Къ тому же иное имя промелькнетъ въ ухахъ слушателей моихъ ничтожнымъ звукомъ, между тѣмъ, какъ ликъ милаго человѣка окруженъ въ памяти моего сердца радужными лучами. И не однихъ товарищей, сотрудниковъ, литераторовъ вспоминаю въ сію минуту. Обнимаю взоромъ и памятью всѣхъ тѣхъ, которые, своею дружбою, своимъ сочувствіемъ, своимъ соучастіемъ, усаждали и возвышали жизнь мою. И въ сію священную минуту, мнится мнѣ, милыя ихъ тѣни носятся невидимо вокругъ меня, привѣтствуютъ меня нѣжною улыбкою, и манять къ себѣ. Скажу съ Жуковскимъ:

И можетъ быть, въ странѣ иной
 Еще любовью незабытой
 Ихъ бытіе и нынѣ слыто,
 Какъ прежде, съ нашимъ бытіемъ.
 И нынѣ съ милыми родными
 Они бесѣдуютъ душой,
 И знавшисъ съ гратами земными,
 Дѣла ихъ, не смущаясь ими,
 Подчасъ утѣхой не земной
 На сердце наше налетаютъ,
 И сердцу тихо возвращаютъ
 Надежду, вѣру и покой.

«Обращусь къ живымъ, къ вамъ почтенные и любезные учредители и распорядители драгоценнаго мнѣ торжества. Знакомство, пріязнь, дружба наша не со вчерашняго дня. Помню и вижу васъ молодыми, бодрыми, исполненными обаяній и надеждъ. Заслугами вашими, справедливымъ возданіемъ правосудныхъ Монарховъ, вы возведены на высокія степени въ службѣ и обществѣ, но сердца ваши, доброе ваше ко мнѣ расположеніе остались тѣ же, какъ и въ то время, когда я васъ зналъ камеръ-пажами, студентами, флота мичманами. Чувствую и цѣню вашу неизмѣнную пріязнь, и въ твердомъ упованіи, что она продлится и за громомъ моихъ, въ сей торжественной часъ поручаю вамъ судьбу сиротъ, моихъ внучатъ. Вы знаете, что я имѣлъ несчастіе пережить обонѣ моихъ сыновей: одинъ скончался въ цвѣтѣ лѣтъ, другой уже полезнымъ гражданиномъ, уважаемымъ литераторомъ, оставивъ троихъ дѣтей. Старшему моему внуку осьмой годъ, а мнѣ шестьдесятъ осьмой. Имъ пред-

стоять, можетъ быть, вскорѣ осиротѣть вторично. Вамъ, мои почтенные друзья, поручаю судьбу моихъ любезныхъ. Забудьте имъ отца и дѣда, потщитесь, чтобъ честное имя нашей фамиліи сохранилось и въ нихъ, чтобъ они, какъ люди благородные и образованные, были достойны служить Государю и Отечеству, а въ случаѣ надобности и умереть за нихъ.

«Заключу слова мои выраженіемъ искренней благодарности вѣкъ вамъ, мои почтенные и любезные гости, за участіе, которое вы приняли въ торжествѣ нынѣшняго дня. Ваза эта, полученная мною отъ васъ, останется въ моемъ семействѣ памятникомъ вашего ко мнѣ вниманія и благорасположенія. Не знаю награды выше признательности людей благородныхъ и просвѣщенныхъ. Чего мнѣ пожелать вамъ въ жизни? Желаю того, чѣмъ наградила меня Всемилосердное Провидѣніе: желаю и вамъ дожить до торжества пятидесятилѣтія вашей службы и дѣятельности. Желаю вамъ дожить этого срока не по календарю только, а такъ какъ дожилъ я, сохранивъ свои силы физическія и душевныя. Я работаю до сихъ поръ какъ молодой человѣкъ, наслаждаюсь удовольствіями жизни, изящными искусствами, театромъ, музыкою, дружескою бесѣдою — безъ скуки и пресыщенія. Въ молодости корпѣлъ я надъ грамматикою. Теперь перевожу стихи Шиллера и Гейне, на дняхъ скропалъ водевилъ, возбуждающій усердный смѣхъ публики Александринскаго Театра, сочиняю эпиграммы, даже мадригалы, и недавно написалъ къ одной прекрасной дамѣ такое пламенное посланіе, что старуха, жена моя, перепугалась до смерти.»

Еще не умолкли рукоплесканія, когда почтенный осьмидесятидвухъ-лѣтній старецъ, Иванъ Петровичъ Бунинъ, обратился къ юбиляру съ слѣдующею рѣчью:

«Сорокъ лѣтъ постоянно пользовался я и пользуюсь вашими, Николай Ивановичъ, дружескимъ расположеніемъ, а потому надѣюсь, что мнѣ дозволено будетъ сказать нѣсколько словъ въ прѣствіе вамъ, при столь многочисленномъ собраніи особъ, соединившихся праздновать пятидесяти-лѣтній юбилей трудовъ вашихъ на поприщѣ родной нашей

Русской Словесности, къ которой начально ведетъ насъ вами изданная грамматика. Я намѣренъ былъ высказать предъ вами подвиги ваши и благородную признательность вашу тѣмъ, которые способствовали вамъ къ вступленію на поприще Русской Словесности; но вы предупредили меня сказанною вами рѣчью, упомянувъ въ ней и о мѣщанинѣ, оказавшемъ вамъ услугу. Радостно совершающееся теперь торжество друзей вашихъ происходитъ въ тѣхъ же самыхъ комнатахъ, въ которыхъ достойный дѣдъ вашъ преподавалъ науки кадетамъ тогдашняго Сухопутнаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса. — И число гостей вашихъ удвоилось бы, если бъ нынѣшнія военныя дѣйствія не увлекли многихъ изъ нашей сѣверной столицы. Но всего прискорбнѣе намъ то, что общій другъ нашъ, достойный Адмиралъ Петръ Ивановичъ Рикордъ, по случаю болѣзни, не участвовалъ съ нами въ празднованіи вашего юбилея, въ учрежденіи котораго участвовалъ онъ такъ дѣятельно и усердно. И онъ конечно сказалъ бы вамъ спичъ молодецкій¹⁾. Въ заключеніе сего слабого моего привѣта,

Я оканчиваю предъ вами мою рѣчь —
Да здравствуетъ всегда любезнѣйшій намъ Грець!»

Вслѣдъ за этимъ привѣтствіемъ извѣстный писатель, красно-рѣчивый профессоръ Военной Академіи, Петръ Семеновичъ Лебедевъ, воспользовавшись однимъ отзывомъ И. П. Бунипа, дополнилъ его мысль слѣдующими словами, излившимися изъ сердца, и высказанными съ увлекательнымъ жаромъ:

«Позвольте мнѣ прибавить нѣсколько словъ къ задушевной рѣчи моего почтеннаго предшественника. Онъ сказалъ, что если бъ теперь не было военныхъ дѣйствій, то число гостей на нашемъ празднествѣ удвоилось бы: нѣтъ! оно бы удесатерилось, ибо, кромѣ упомянутыхъ вами, Николай Ивановичъ, четырнадцати тысячъ русскихъ офицеровъ, учившихся по вашей грамматикѣ, по ней учились также еще тридцать шесть тысячъ, произведенныхъ въ настоящее благополучное царствованіе. Всѣ они, съ

¹⁾ Петръ Ивановичъ набросалъ нѣсколько строкъ привѣтственной рѣчи, которую хотѣлъ прочитать на юбилей. Сообщаю ихъ въ приложеніи IV.

знанієм роднаго языка, приобрѣли новое средство съ честію служить своему отечеству. . . . И въ числѣ этихъ пятидесяти тысячъ есть Двое, Которые одни стоять цѣлой арміи. Не называю Ихъ по имени; вся Россія зоветъ Ихъ — истинно русскими молодцами.»

Многіе друзья и читатели Николая Ивановича Греча не были на его юбилей просто по отсутствію изъ Петербурга. Доказательствомъ тому служить большое число писемъ, стихотвореній и разнаго рода привѣтствій и поздравленій, которыя получилъ Н. И. Гречъ не только изъ разныхъ мѣстъ Россіи, но и изъ-за границы. Мы убѣдили его избрать изъ нихъ хоть нѣкоторыя, и дозволить напечатать въ приложеніяхъ къ нашему описанію его юбилея ¹⁾. Несомнѣнно, что если бы могли собраться вмѣстѣ всѣ почитатели заслугъ Н. И. Греча, то не нашлось бы залы, гдѣ бы они могли помѣститься. Но всѣ эти почитатели, конечно, и въ отсутствіи праздновали вмѣстѣ съ нами 27-е Декабря 1854 года, зная, что въ этотъ день былъ въ Петербургѣ юбилей всѣми уважаемаго, любимаго, заслуженнаго писателя.

Послѣ рѣчи Г. Лебедева были еще прочитаны поздравленія Наркисомъ Ивановичемъ Тарасенко-Атрѣшковымъ, Гавриломъ Степановичемъ Поповымъ, и рѣчь Ксенофонтомъ Алексѣевичемъ Поповымъ ²⁾. Н. И. Гречъ вновь началъ говорить, благодарилъ всѣхъ, и дополнилъ свою импровизацію еще нѣсколькими воспоминаніями. Читатели вообще могутъ видѣть, что признательное сердце его больше всего выражалось въ одушевленномъ словѣ *благодарность*. Но она обращалась не столько къ присутствовавшимъ, которые видѣли, какъ глубоко чувствовалъ онъ ихъ любовь

¹⁾ См. Приложение XI.

²⁾ См. Приложение V, VI и VII.

и дружбу, сколько къ *прежнимъ, отшедшимъ* друзьямъ и благодѣтелямъ его юности и многихъ прошедшихъ дней. Онъ обратился къ одному изъ господъ распорядителей съ вопросомъ:

«Упомянулъ ли я о Графѣ Бенкендорфѣ, о Графѣ Кавкринѣ, объ Иванѣ Осиповичѣ Тимковскомъ? . . . Извините, мм. гг., въ увлеченіи я могъ пропустить нѣкоторыя дорогія мнѣ имена; но мнѣ было бы прискорбно, если бы подумали, что я забылъ хоть одного изъ моихъ друзей и благодѣтелей. Не называю всѣхъ живыхъ, къ-кому сердце мое исполнено благодарностью, но хочу съ любовью назвать всѣхъ, кто услаждал и облегчалъ мнѣ трудный путь жизни, и уже кончилъ свое земное поприще. Позвольте мнѣ выразить еще чувства искренней признательности тѣмъ лицамъ и сословіямъ, которыя, при нынѣшнемъ торжествѣ моемъ, выразили свое ко мнѣ участіе. Въ началѣ скажу, что почтенный Настоятель Соловецкой Обители, Архимандритъ Александръ, находящійся нинѣ здѣсь въ Петербургѣ, благословилъ меня, на сей священный для меня день, иконою Соловецкихъ Чудотворцевъ Зосимы и Савватія. Имя Архимандрита Александра памятно и дорого Церкви и Отечеству. Онъ воскресилъ и повторилъ подвиги знаменитаго Авраамія Палицына, защитника Троицкія Лавры, который, достойно замѣчанія, былъ постриженъ, и въ послѣдствіи погребенъ въ Обители Соловецкой, гдѣ онъ дожилъ знаменитый вѣкъ свой. Въ то же время получилъ я съ Аѳонской Горы, изъ Новой-Русской Андреевской Обители, отъ Игумена Виссаріона съ братією, образъ Пресвятыя Богородицы Византійскія. Исправляющій должность градскаго главы воронежскаго, Г. Рубцовъ, прислалъ мнѣ въ даръ складные образа Святаго Николая Чудотворца Мирликійскаго и Святителя Митрофонія, освященные на мощахъ Угодника Воронежскаго. — Начальство Императорской Публичной Библіотѣки, въ которой я имѣю счастье состоять тридцать осмой годъ, удостоивъ меня въ нынѣшнемъ году званіемъ ея почетнаго члена, позволяющимъ мнѣ носить этотъ мундиръ, драгоценный мнѣ по воспоминаніямъ лѣтъ минувшихъ, почтило меня лестнымъ письменнымъ поздравленіемъ ¹⁾. Сверхъ

¹⁾ См. Приложение VIII

того удостоился я получить поздравленія отъ начальства Главнаго Училища при Евангелической Церкви Св. Петра ¹⁾, въ которомъ имѣлъ честь служить слишкомъ за сорокъ лѣтъ предъ симъ, отъ Берлинскаго Военно-Ученаго Общества ²⁾, приглашавшаго меня въ свои занимательныя собранія во время пребыванія моего въ Берлинѣ въ прошедшемъ году. Въ то же время получилъ я нѣсколько чрезвычайно мнѣ пріятныхъ привѣтствій и отзывовъ, на разныхъ языкахъ, въ стихахъ и въ прозѣ ³⁾. Г. книгопродавецъ Юнгмейстеръ собралъ и принесъ мнѣ въ даръ не только всѣ напечатанныя мною въ теченіе пятидесяти лѣтъ мои сочиненія и переводы, но и всѣ ихъ изданія. Житель города Ростова, Николай Ѳедоровичъ Земскій ⁴⁾, прислалъ мнѣ портретъ мой, написанный въ этомъ городѣ ⁵⁾ очень искусно на финифти. Не могу исчислить всѣхъ знаковъ участія и благоволенія, которыхъ я удостоился при нынѣшнемъ случаѣ. Могу только благодарить, въ избыткѣ сердца, радостными слезами. Теперь, въ заключеніе, позвольте мнѣ, любезные мои гости, произнесть тость за ваше здоровье, и пожелать вамъ всѣхъ благъ земныхъ и небесныхъ.»

Передаемъ здѣсь только главныя мысли заключительной рѣчи Н. И. Греча; но нельзя передать чувства, съ какимъ выражалъ онъ свои благородныя воспоминанія. Слушатели вполне раздѣляли это прекрасное одушевленіе: рукоплесканія и привѣтствія красно-рѣчивому оратору слышались со всѣхъ сторонъ. И нельзя было не сочувствовать умилительной бесѣдѣ, въ которой ораторъ разсказалъ всю свою жизнь, всѣ главныя стремленія души своей! Н. И. Гречъ говорилъ точно съ друзьями: онъ могъ видѣть это

1) См. Приложение IX.

2) См. Приложение X.

3) См. Приложение XI.

4) Членъ корреспондентъ Ярославскаго Губернскаго Статистическаго Комитета и Ярославскаго Общества Сельскаго Хозяйства.

5) Ростовскимъ мѣщаниномъ Николаемъ Андреевичемъ Сальниковымъ.

во всѣхъ, кто окружалъ его въ этотъ достопамятный для него вечеръ.

Между тѣмъ раздавали всѣмъ гостямъ упомянутую выше книжку, составленную А. В. Висковатымъ нарочно для юбилея, подъ заглавіемъ: «*Николай Ивановичъ Гречъ, біографическій очеркъ*», съ портретомъ, рисованнымъ на камнѣ В. Θ. Тиммомъ¹⁾. Рѣчь кадетъ и стихи В. Р. Зотова также были напечатаны, и раздавались посѣтителямъ. Передъ столомъ, за которымъ сидѣли юбиляръ, распорядители и почетные гости, былъ другой столъ, весь уставленный сочиненіями и переводами Н. И. Греча, собранными и поднесенными ему (какъ онъ сказалъ въ своей рѣчи) отъ усердія книгопродавца Ю. А. Юнгмейстера.

Около девяти часовъ вечера кончился нашъ достопамятный литературный праздникъ, прекрасный внутреннимъ значеніемъ своимъ, прекрасный и по тому, какъ онъ совершился: блистательно, стройно, возбудивъ во всѣхъ присутствовавшихъ самыя пріятныя ощущенія. Всѣ съ благодарностью видѣли заботливость распорядителей юбилея, простиравшуюся равно ко всѣмъ гостямъ. Всѣ были благодарны имъ за прекрасное, во всѣхъ отношеніяхъ, выполненіе общей мысли.

Русской Литературѣ можно и должно процвѣтать при такомъ выраженіи общей признательности къ полезнымъ литературнымъ дѣятелямъ.

¹⁾ См. Приложение I.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

І.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ГРЕЧЪ.

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ,

СОЧ. АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА ВЕКОВАТОВА.

Въ то время, когда буря брани кипитъ почти у всѣхъ предѣловъ нашего отечества; когда ожесточенные враги ломятся къ намъ и изъ Закавказья, и изъ-за Дуная; когда они громятъ и плодоносный край Крыма, и пустынные берега бѣломорскіе; когда флоты двухъ западныхъ державъ дѣйствуютъ и въ Балтикѣ, и у Камчатки, — когда всѣ умы въ Россіи заняты событіями этой громадной войны, — въ то самое время, съ Высочайшаго разрѣшенія, совершается у насъ мирное празднество во имя наукъ и словесности. По соизволенію Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, въ стѣнахъ 4-го Кадетскаго Корпуса, — старѣйшаго изъ Военно-Учебныхъ Заведеній Россіи, торжественно воздается дань уваженія и признательности къ заслугамъ на поприщѣ отечественнаго просвѣщенія одного изъ самыхъ трудолюбивыхъ и полезныхъ дѣятелей на немъ — Николая Ивановича Греча.

Прежде нежели исчислимъ труды юбиляра, пріобрѣтшіе ему право на это торжественное засвидѣтельствованіе уваженія и благодарности, скажемъ нѣсколько словъ о его происхожденіи, воспитаніи и первыхъ занятіяхъ по службѣ и литературѣ.

Родъ Греча происходитъ изъ Богеміи. Предки его, протестанты, въ началѣ XVII столѣтія, избѣгая гоненій католическаго духовенства,

удалились въ Пруссію, и одинъ изъ нихъ, Михайлъ Гречъ, переселился въ Россію, но въ которое именно время, неизвѣстно. Сынъ его, Иванъ Михайловичъ, родившійся въ Россіи, учился въ Университетахъ Марбургскомъ и Лейпцигскомъ, и поступилъ, въ началѣ тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія, профессоромъ въ Митавскую Гимназію. Тогда Курляндія еще не принадлежала Россіи, а была отдѣльнымъ герцогствомъ, подъ заочнымъ правленіемъ Герцога Бирона. Въ 1736 году, при образованіи высшихъ классовъ, учрежденнаго за четыре года предъ тѣмъ, Сухопутнаго (нынѣ 1-го) Кадетскаго Корпуса, главный директоръ его, Фельдмаршалъ Графъ Миннихъ, по рекомендаціи Бирона, помѣстилъ въ эти классы, преподавателемъ философскихъ и историческихъ наукъ, Греча, имѣвшаго тогда званіе магистра. Замѣтимъ мимоходомъ, что въ то время учебные классы Кадетскаго Корпуса назывались *Рыцарскою Академіею*.

Черезъ восемь лѣтъ послѣ того, вскорѣ по прибытіи въ Россію изъ Гольштейнн Великаго Князя и Наслѣдника Петра Ѳеодоровича, Гречъ имѣлъ счастье преподавать Его Высочеству, а потомъ и Его Супругѣ, Великой Княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, всемірную политическую исторію, и до конца жизни своей сохранилъ Ихъ благосклонность. По желанію Ея Высочества, избиралъ онъ Ей книги для чтенія, и нерѣдко самъ читалъ съ Нею творенія извѣстныхъ писателей. Онъ былъ въ послѣдствіи инспекторомъ классовъ Корпуса, и скончался, въ 1760 году, въ чинѣ юстицъ-рата 5-го класса, отъ параличнаго удара, поразившаго его на экзаментѣ кадетъ, въ присутствіи Наслѣдника Престола, Главнаго Директора Корпуса.

Въ двадцатичетырехлѣтнее служеніе Ивана Михайловича въ Кадетскомъ Корпусѣ, подъ руководствомъ его, получили образованіе многіе воспитанники, въ послѣдствіе времени стяжавшіе громкую извѣстность на различныхъ поприщахъ государственной службы. Ограничиваясь именами, наиболѣе извѣстными назовемъ: *Графа П. А. Румянцова-Задунайскаго* и *Графа М. Ѳ. Каменскаго*; *Генераль-Аншефа М. Г. Берга*, съ честію служившаго въ Семилѣтнюю Войну, и бывшаго первымъ учителемъ Суворова въ военномъ искусствѣ; *Генераль-Аншефа И. И. Веймарна*, Генераль-Квартирмейстера нашей арміи въ

Семигѣтнюю и главнаго начальника войскъ въ Первую Польскую Войну при Императрицѣ Екатеринѣ II; Генераль-Аншефовъ: *Е. П. Кашкина* и *Графа М. В. Каховскаго*, Генерала отъ Артиллеріи *П. И. Мелиссина*, особенно знаменитаго по начальствованію Артиллерійскимъ и Инженернымъ (нынѣ 2-й) Кадетскимъ Корпусомъ; Генерала отъ Инфантеріи *Т. И. Тутолмина*, Главнокомандующаго въ Москвѣ въ 1807, 1808 и 1809 годахъ; Генераль-Поручиковъ *Х. Ѳ. Штофельна*, сподвижника Румянцева по кампаніи 1770 года; *Н. Е. Муравьева* и преемника его, *М. И. Мордвинова*, съ большою пользою завѣдывавшихъ всѣми инженерными работами и устройствомъ дорогъ въ Россіи при Императрицѣ Екатеринѣ II; Генераль-Маіора *Князя П. С. Долгорукова*, генерала высокаго достоинства, въ молодыхъ лѣтахъ умершаго въ 1760 году, отъ ранъ, полученныхъ подъ Хотинымъ; Дѣйствительныхъ Тайныхъ Совѣтниковъ, знаменитыхъ вельможъ Екатеринина вѣка: Генераль-Прокурора *Князя А. А. Вяземскаго*, *А. В. Олсуфьева*, *А. М. Обрѣзова*, *А. П. Мелюкова*, *И. П. Елагина*, *С. С. Стрѣкалова*, Тайныхъ Совѣтниковъ: *И. И. Мелиссина*, Куратора Московскаго Университета, *Н. А. Бекетова*, оставившаго по себѣ незабвенное имя въ астраханскомъ краѣ, гдѣ онъ былъ губернаторомъ, и *К. Ѳ. Модераха*, бывшаго генераль-губернаторомъ Перскимъ и Вятскимъ. Въ числѣ учениковъ Греча были также *Сумароковъ* и *Херасковъ*. Нигдѣ нѣтъ лучшаго мѣста вспомнить всѣхъ этихъ именитыхъ мужей нашего отечества, какъ здѣсь, въ стѣнахъ заведенія, ихъ образовавшаго, и вполне могущаго ими гордиться ¹⁾.

Два старшіе сына Ивана Михайловича Греча воспитывались въ Корпусѣ, и вышли оттуда въ началѣ царствованія Императрицы Екатерины II, въ армію поручиками — отличіе, предоставлявшееся лучшимъ питомцамъ заведенія. Старшій изъ нихъ былъ убитъ въ войнѣ противъ Турокъ 1770 года, и имя его навѣки осталось достояніемъ заведенія, въ которомъ онъ получилъ образованіе.

¹⁾ Знаменитый актеръ *Дмитревскій* также учился у И. М. Греча, въ Кадетскомъ Корпусѣ, куда, по Высочайшему повелѣнію, былъ присланъ, съ товарищами своими, для изученія наукъ.

Третій, младшій, сынъ Ивана Михайловича, отецъ Николая Ивановича, рожденный въ стѣнахъ Сухопутнаго Кадетскаго Корпуса, остался послѣ отца своего шестилѣтнимъ сиротою. Онъ учился въ новоучрежденной школѣ при Евангелической Церкви Св. Петра въ С. Петербургѣ, и по окончаніи курса вступилъ въ гражданскую службу. Лица, знавшія Ивана Ивановича Греча, единогласно отзываются о немъ какъ о чловѣкѣ умномъ и образованномъ. Въ молодости своей онъ былъ употребляемъ для исполненія разныхъ важныхъ порученій по финансовой части, за границую, потомъ служилъ нѣсколько времени секретаремъ, и наконецъ, оберъ-секретаремъ Сената, и умеръ въ отставку, въ началѣ 1803 года, въ крайней бѣдности, оставивъ въ наслѣдство вдовѣ, тремъ сыновьямъ и двумъ дочерямъ только честное свое имя. Николай Ивановичъ, родившійся въ С. Петербургѣ 3-го Августа 1787 года, былъ старшій изъ сыновей, и потому на немъ, въ послѣдствіи, лежали всѣ заботы и попеченія объ осиротѣломъ семействѣ ¹⁾.

Близкій къ 1-му Кадетскому Корпусу по дѣду и двумъ дядямъ съ отцовской стороны, Н. И. Гречъ считаетъ себя близкимъ къ этому заведенію и по дѣду со стороны матери, по фамиліи Фрейгольдъ. Другъ и совоспитанникъ Румянцова-Задунайскаго, онъ началъ службу, по выпускѣ изъ Корпуса, въ арміи; былъ израненъ въ Семилѣтнюю Войну, въ кровопролитномъ Цорндорфскомъ сраженіи, и заключилъ свое служебное поприще званіемъ экономіи директора въ Глуховѣ и потомъ въ Кіевѣ.

Первоначальное воспитаніе и образованіе Николай Ивановичъ получилъ въ родительскомъ домѣ, подъ руководствомъ достойной, всѣми ува-

¹⁾ Изъ братьевъ Николая Ивановича, одинъ, Александръ, служилъ въ артиллеріи, и умеръ, въ 1812 году, отъ ранъ, полученныхъ въ Бородинскомъ Сраженіи; другой, Павелъ, скончался, въ чинѣ генералъ-маіора и въ званіи втораго С. Петербургскаго коменданта, въ 1850 году: онъ былъ офицеръ отличный, и чловѣкъ самый почтенный и благородный. — Александръ Ивановичъ Гречъ (воспитанный во 2-мъ Кадетскомъ Корпусѣ) былъ искусный практическій артиллеристъ: во время войны съ Англичанами, въ 1809—10 годахъ, находился онъ въ отрядѣ, защищавшемъ Либаву, и довелъ мѣткость выстрѣловъ своей батареи до большаго совершенства. Покойный Государь Императоръ, на артиллерійскихъ маневрахъ въ С. Петербургѣ (въ 1811 году), замѣтивъ удачное дѣйствіе его орудій, изъявилъ ему Высочайшее благоволеніе, и записку составленную Гречемъ о приѣмахъ, имъ употребляемыхъ, повелѣлъ помѣстить въ Военномъ Журналѣ Г. Рахманова.

жаемой и еще весьма многими памятной своей матери, скончавшейся за двѣнадцать лѣтъ предъ симъ, въ глубокой старости, и также подъ руководствомъ роднаго ее брата, Александра Яковлевича Фрейгольда. Одинъ изъ самыхъ свѣдущихъ артиллерійскихъ офицеровъ своего времени, онъ отличался въ Турецкую и Шведскую Войны 1787 — 1791 годовъ, и умеръ, не имѣя сорока лѣтъ отъ роду, отъ слѣдствій простуды, которой подвергся въ финляндскомъ походѣ. Считая его благодѣтелемъ своего дѣтства, Н. И. поставилъ ему памятникъ въ своемъ романѣ: «*Пользѣка въ Германію*», въ лицѣ Александра Яковлева Пятигорскаго.

Отецъ Николая Ивановича, замѣтивъ въ старшемъ своемъ сынѣ страсть къ ученію, намѣренъ былъ помѣстить его въ Петровскую Школу, а потомъ перевести въ Московскій, и оттуда въ Геттингенскій Университетъ, но судьба рѣшила иначе. Въмѣсто того, по тѣснымъ обстоятельствамъ отца, Николай Ивановичъ поступилъ въ Юнкерскую Школу, учрежденную, въ царствованіе Императора Павла I, при Правительствующемъ Сенатѣ, для образованія гражданскихъ чиновниковъ, и состоявшую подъ начальствомъ А. Н. Оленина, въ послѣдствіи президента Академіи Художествъ и директора Императорской Публичной Библіотеки.

Въ 1804 году, когда Юнкерская Школа переименовалась Юнкерскимъ Институтомъ, Николай Ивановичъ былъ выпущенъ въ гражданскую службу, но увлекаясь любовью къ поэзіи, литературѣ и языкознанію, рѣшился образовать себя для учебной части и для упражненій литературою, и вступилъ, *первымъ* по времени, вольнымъ слушателемъ въ новоучрежденный тогда Педагогическій Институтъ, что нынѣ Императорскій С. Петербургскій Университетъ. По утрамъ ходилъ онъ на лекціи института, послѣ обѣда занимался преподаваніемъ самъ, для содержанія себя и для доставленія воспитанія двумъ сестрамъ. Первый урокъ въ русской грамматикѣ далъ онъ, въ пансіонѣ Г. Бачкова, 2-го *Юля 1804 года*, и съ того дня считаетъ свое учебное и литературное поприще. Тогда ему еще не исполнилось семнадцати лѣтъ, а уже трудъ и забота легли на него всюю своею тяжестью.

Независимо отъ посѣщенія институтскихъ лекцій и преподаванія уроковъ, Николай Ивановичъ, съ нѣкоторыми изъ своихъ сверстниковъ и

товарищей, принимая участіе въ изданіи «*Журнала для пользы и удовольствія*», и помѣщая статьи (именно, *первыя русскіе синонимы*) въ «*Журналъ Россійской Словесности*», Н. П. Брусилова. Въ 1805 году, на девятнадцатомъ отъ рожденія, опредѣлился онъ учителемъ Русской Словесности въ славившійся тогда дѣвичій пансіонъ М. Х. Ринарь, а въ 1806-мъ поступилъ на службу гражданскую, сперва канцелярскимъ служителемъ, потомъ секретаремъ С. Петербургскаго Ценсурнаго Комитета, продолжая, въ то же время, усердно заниматься учебною частью и литературою. Съ этого періода его дѣятельность можно раздѣлить на двѣ: *служебную, и ученую и литературную*. Сообщаемъ краткое обзорѣніе той и другой.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ СЛУЖЕБНАЯ.

Въ 1806 году.

Поступилъ въ С. Петербургскій Ценсурный Комитетъ, занимаясь въ то же время преподаваніемъ въ разныхъ пансіонахъ, и въ этомъ же году произведенъ въ титулярные совѣтники.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ УЧЕНАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Въ 1806 году.

Перевелъ съ Нѣмецкаго и издалъ книгу: «*Германія въ глубокомъ униженіи своемъ*,» за которую разстрѣлявъ былъ, по повелѣнію Наполеона, ниренбергскій книгопродавецъ Пальмъ. Въ 1807 году переводъ сей былъ напечатанъ вторымъ изданіемъ.

Въ началѣ книги переводчикъ помѣстилъ краткое извѣстіе о жизни и смерти Пальма. Извѣстіе это оканчивалось слѣдующими словами: «Успокойтесь, ободритесь, возмужайте, благородные сыны Германіи! Возрате на сѣверъ: оттуда градесть вамъ избавленіе и безопасность въ лицѣ Александра.»

Перевелъ съ Нѣмецкаго и издалъ: «*Нѣкоторыя мысли о современныхъ промѣшествахъ*,» соч. Г. Шредера, за что Всемилостивѣйше былъ пожалованъ, по докладу Тайнаго Совѣтника Михаила Никитича Муравьева, золотыми часами: первая Высочайшая награда, полученная Н. И. Гречемъ.

Въ 1807 году.

Сдѣлался редакторомъ историческаго и политическаго журнала «*Геній Времени*», котораго издателемъ былъ Г. Шредеръ. Журналъ продолжался съ Іюня 1807 по Септябрь 1809 годъ.

Въ 1808 году.

Перевелъ романъ Коцебу «*Леонтина*», и драму Шюкке: «*Ипполитъ и Розеида*», для бенефиса Александры Дмитриевны Каратыгиной.

Издаль «*Таблицу Русскихъ Склоненій*».

Издаль переводъ «*Всеобщей Географіи*», Гаспари.

Въ 1809 году.

Опредѣленъ старшимъ учителемъ Русской Словесности въ Главное Нѣмецкое Училище при Евангелической Церкви Св. Петра, въ С. Петербургѣ.

Въ 1809 году.

Издавалъ, вмѣстѣ съ Г. Шредеромъ, «*Журналъ Новѣйшихъ Путешествій*», выходившій съ Октября 1809 по Октябрь 1810 года.

Въ 1810 году.

Избранъ въ члены С. Петербургскаго Общества Любителей Словесности, Науки и Художествъ, и принималъ (съ 1812 года) участіе въ изданіи его журнала, выходившаго подъ заглавіемъ: «*С. Петербургскій Вѣстникъ*».

Въ 1811 году.

Показованъ орденомъ Св. Владиміра 4-й степени.

Опредѣленъ смотрителемъ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ въ С. Петербургѣ.

Въ 1811 году.

Издаль «*Опытъ о Русскихъ Служащихъ*».

Въ 1812 году.

Издаль «*Избранныя Мѣсто изъ русскихъ сочиненій и переводовъ съ проза*», съ біографическими свѣдѣніями о писателяхъ, коихъ труды помѣщены въ сей книгѣ.

Началь изданіе журнала: «*Сынъ Отечества*» и продолжалъ его до 1828 года — одинъ, а съ этого времени по 1838 г. вдвоемъ, съ Ѳ. В. Булгаринымъ, подъ названіемъ: «*Сынъ Отечества и Сѣверный Архіель*». Въ 1838 году журналъ сей перешелъ къ Н. А. Полевому.

Въ 1813 году.

Уволенъ отъ должности учителя въ Училищѣ Св. Петра, и поступилъ старшимъ учителемъ въ С. Петербургскую Гимназію (что нынѣ 2-я).

Въ 1814 году.

Перевелъ оперу «Швейцарской Семейство», музыку Вейгеля.

Въ 1815 году.

Уволенъ, по прошенію, отъ должности секретаря С. Петербургскаго Ценсурнаго Комитета:

Въ 1815 году.

По возстановленіи мира въ Европѣ и сокращеніи, въ слѣдствіе этого, трудовъ по Сыну Отечества, занялся прилежно Русскою Грамматикою:

Въ 1817 году.

Уволенъ отъ должности старшаго учителя С. Петербургской Гимназіи.

Назначенъ почетнымъ библиотекаремъ Императорской Публичной Библиотеки, и, по случаю отъѣзда своего за границу, для поправленія здоровья, разстроеннаго тяжкою болѣзнію, получилъ отъ начальства порученіе осмотрѣть знаменитѣйшія библиотеки въ чужихъ краяхъ

Произведенъ въ коллежскіе ассесоры.

Въ 1817 году.

Писалъ письма съ путешествія своего. Въ Парижѣ занимался преимущественно изученіемъ возникшей въ то время ланкастерской метода взаимнаго обученія.

Въ 1818 году.

Прикомандированъ къ Комиссіи составленій учебныхъ пособій кантонистамъ поселенныхъ войскъ.

Въ 1818 году.

Учредилъ, въ товариществѣ съ Гр. Ф. П. Толстымъ, Ф. Н. Глинкою и В. И. Григоровичемъ, Общество образованія училищъ по методу взаимнаго обученія, и составилъ потребныя для того руководства и таблицы.

Въ 1819 году.

По волѣ Государыни Императрицы Маріи Фредериковны, учредилъ классы взаимнаго обученія въ С. Петербургскомъ и Гатчинскомъ Воспитательныхъ Домахъ, и въ Училищахъ для солдатскихъ дочерей гвардейскихъ полковъ.

По порученію Генералъ-Адъютанта Спичгина, начальника штаба Гвардейскаго Корпуса, учредилъ училище взаимнаго обученія для нижнихъ чиновъ сего корпуса, за что удостоился Всемилостивѣйшаго вниманія и Высочайшей награды Государя Императора Александра Павловича, и былъ назначенъ директоромъ училищъ Гвардейскаго Корпуса, но учрежденіе сихъ училищъ, по случаю выступления гвардіи въ 1821 году въ походъ, не состоялось.

Произведенъ въ надворные совѣтники.

Въ 1822 году.

Издаль книгу: «Избранныя мѣста изъ Русскихъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ», вторымъ тисненіемъ, подь заглавіемъ «*Учебная книга Русской Словесности*», съ прибавленіемъ къ ней «*Опыта Исторіи Русской Литературы*», напечатаннаго и особо. Учебная книга напечатана вторымъ изданіемъ въ 1830, и третьимъ въ 1844 г.

Въ 1823 году.

Произведенъ въ коллежскіе совѣтники.

Въ 1825 году.

Издаль, съ Ѳ. В. Булгариннымъ, альманахъ «*Русская Талия*», въ которомъ помѣстилъ статью своего сочиненія: «*Исторія Русскаго Театра*».

Началъ съ Ѳ. В. Булгариннымъ изданіе политической и литературной газеты: «*Сѣверная Пчела*», продолжающееся и понынѣ.

Въ 1827 году.

Издаль «*Пространную и Практическую Русскія Грамматки*».

Избранъ къ корреспонденты Императорской С. Петербургской Академіи Наукъ.

Въ 1828 году.

Издаль «*Начальныя основанія Русском Грамматки*», печатавшіяся потомъ, нѣсколькими тисненіями, подь заглавіемъ: «*Краткая Русская Грамматика*».

Въ 1829 году.

Произведенъ въ статскіе совѣтники.

Поступилъ на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, чиновникомъ особымъ порученій по Хозяйственному Департаменту.

Въ 1829 году.

Основаль, и издавалъ до 1831 г., «*Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ*».

Въ 1831 году.

Отчисленъ въ Канцелярію Министра Внутреннихъ Дѣлъ, съ назначеніемъ состоять при министрѣ.

Въ 1831 году.

Издаль романъ: «*Повѣдка въ Германію*».

Въ 1832 году.

Издаль «*Практическіе Уроки Русской Грамматки*».

Въ 1834 году.

Издаль романъ: «*Черная Женищина*».

Быль избранъ обществомъ ученыхъ и литераторовъ въ главные редакторы «*Энциклопедическаго Лексикона*», и завѣдывать симъ изданіемъ до половины седьмой его части.

Получивъ отпускъ на 28 дней, съѣздилъ въ Германію, и описалъ эту поѣздку въ книжкѣ: «*Дѣйствительная поѣздка въ Германію*».

Въ 1835 году.

Основать, въ сообществѣ съ Генераломъ Барономъ Зедделеромъ, «*Военный Энциклопедическій Лексиконъ*», и быль редакторомъ его, по литературной части, до 1840 года.

Въ 1836 году.

Поступилъ въ Министерство Финансовъ, членомъ общаго присутствія Департамента Мануфактуръ и Внутренней Торговли, и, по случаю поѣздки своей въ чужіе края, имѣлъ порученіе осмотрѣть технологическія и ремесленныя учебныя заведенія за границею.

Въ 1837 году.

Писать письма съ путешествія своего по Англии, Франціи и Германіи, напечатанныя сначала въ Сѣверной Печатѣ, а потомъ особливо, въ трехъ частяхъ, подъ заглавіемъ: «*Путевыя Письма*».

Въ 1838 году.

За успѣшное исполненіе возложеннаго въ 1837 году порученія, награжденъ, по ходатайству Министра Финансовъ Графа Е. Ф. Канкринна, чинномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Въ 1838 году.

Издаль «*Учебную книгу Всобщей Географіи*».

Издаль, въ пяти томахъ, собраніе нѣкоторыхъ изъ своихъ сочиненій, подъ заглавіемъ: «*Сочиненія Николая Греча*». Въ составъ сего изданія вошли: романъ *Черная Женищина*, романъ *Поѣздка въ Германію*, *Письма о поѣздкѣ во Францію*, *Германію и Швейцарію*, въ 1847 году, *Письма о поѣздкѣ въ Германію въ 1835 году*, и *малгія сочиненія* — сборникъ статей, напечатанныхъ въ разное время въ періодическихъ изданіяхъ. При V-й части

помѣщена, подъ заглавіемъ: «*Къ портрету Николая Ивановича Греча*», краткая біографія автора, написанная Ф. В. Булгариннымъ.

Въ 1839 году.

Открытъ въ Декабрѣ публичныя чтенія о Русскомъ Языкѣ, продолжавшіяся до конца Марта 1840 года, и потомъ напечатанныя особою книгою.

Въ 1841 году.

Началъ, съ Н. В. Кукольникомъ и Н. А. Полевымъ, изданіе отечественнаго журнала: «*Русскій Вѣстникъ*», но вскорѣ (въ Маѣ 1841) былъ принужденъ болѣзнію ѣхать въ чужіе края. Живя гдѣ въ Германіи и Италіи, писалъ оттуда письма, для помѣщенія въ Сѣверной Пчелѣ.

Въ 1842 и 1843 годахъ.

Преподавалъ Русскій Языкъ въ верхнемъ классѣ Пажескаго Его Императорскаго Вѣличества Корпуса, не поступаая на службу, и не получая жалованья.

Въ 1843 году.

Уволенъ, по прошенію, изъ Министерства Финансовъ.

Въ 1843 году.

Издаль писанныя въ 1841 году письма, отдѣльною книгою, подъ заглавіемъ: «*Письма съ дорожъ по Германіи, Швейцаріи и Италіи*».

Въ 1843 — 1848 годахъ.

Живя попеременно въ Гейдельбергѣ, Боннѣ и Парижѣ, занимался составленіемъ учебника Русской Грамматики для Военно-Учебныхъ Заведеній. Письма его въ это время печатались въ Сѣверной Пчелѣ, и были изданы особо, за 1843 и 1844 годы, подъ заглавіемъ: «*Парижскія Письма*».

Въ продолженіе сего времени, въ 1843 году, издалъ, на Французскомъ и на Нѣмецкомъ Языкахъ, замѣчанія на извѣстное сочиненіе Кюстина «*La Russie en 1839*» въ опроверженіе лжей и клеветъ на Россію, которыми оно наполнено. Замѣчанія эти были напечатаны въ Парижѣ, перепечатаны въ Брюсселѣ, а въ Германіи вышли двумя

издавіями. Прежде того Н. И. написал и издалъ опроверженіе книжки Кеннга о Русской Литературѣ, и на отвѣтъ Кеннга возразилъ новою брошюрою.

Въ 1831 году.

Пр. велъ къ окончанію учебники для Военно-Учебныхъ Заведеній, а именно: «*Учебную Русскую Грамматику*» и «*Руководство къ преподаванію по сей Грамматицѣ.*»

Въ 1832 году.

Издавъ «*Начальную Русскую Грамматику.*»

Въ 1833 году.

Во время поѣздки своей въ Германію и во Францію, печаталъ письма о ней въ Сѣверной Пчелѣ.

Въ 1834 году.

Получилъ званіе почетнаго члена Императорской Публичной Библиотеки.

Изъ сочиненій и изданій Н. И. Греча, *главными* можемъ назвать, по порядку появленія въ свѣтъ: *Сынъ Отечества, Опытъ Исторіи Русской Литературы, Сѣверную Пчелу, Русскія Грамматики, и Энциклопедическій и Военный Энциклопедическій Лексиконы.* Не время и не мѣсто здѣсь разбирать ихъ подробно. Всѣ они уже были обсуждаемы критикою, и потому посвятимъ каждому изъ нихъ лишь по нѣскольку словъ. Скажемъ столько, какъ прилично и умѣстно въ настоящій, лично для Николая Ивановича и для всѣхъ любителей отечественнаго просвѣщенія, торжественный день.

Сынъ Отечества напоминаетъ ту грозную, великую эпоху *двѣнадцати года*, когда Наполеонъ, съ войсками двадцати народовъ, вторгся въ Руссію. Побуждаясь важностью событій, Николай Ивановичъ возымѣлъ счастливую мысль издавать въ С. Петербургѣ журналъ, въ которомъ помѣщались бы реляціи и частныя извѣстія изъ арміи, современ-

ныя политическія новости и современные же военные анекдоты и стихотворенія. Тогдашній Попечитель С. Петербургскаго Учебнаго Округа С. С. Уваровъ, и Директоръ С. Петербургскихъ Училищъ И. О. Тимковскій, оба непосредственные начальники Николая Ивановича, и А. Н. Оленинъ, всегдашній его благодѣтель и покровитель, одобрили предпріятіе. Затруднились только, какъ приличнѣе назвать журналъ: случайное обстоятельство устранило затрудненіе. Николай Ивановичъ получилъ отъ тяжело-раненаго въ Бородинской Битвѣ своего брата письмо, въ которомъ больной, въ предчувствіи своей кончины, говорилъ: «умру какъ истинный сынъ отечества.» Рѣшили дать журналу названіе «*Сынъ Отечества*», и съ тѣхъ поръ онъ существовалъ слишкомъ сорокъ лѣтъ, хотя уже по измѣненной программѣ, а съ 1838 года, съ поступленіемъ въ собственность извѣстнаго нашего книгопродавца А. Ф. Смирдина, и подъ другою, также не разъ переимѣнявшеюся редакціею. До вторичнаго взятія Парижа и возвращенія нашихъ войскъ изъ Франціи «*Сынъ Отечества*» былъ журналомъ почти исключительно военнымъ и политическимъ, а потомъ, когда война кончилась, и по обстоятельствамъ источникъ для военнаго отдѣла почти изсякъ, отдѣлъ же политическій сдѣлался менѣе интереснымъ, — къ нимъ былъ прибавленъ отдѣлъ литературный.

Первая книжка *Сына Отечества* появилась въ свѣтъ въ началѣ Октября 1812 года, и была принята съ общимъ одобреніемъ. Новый журналъ читался въ всѣхъ кругахъ общества, старыми и малыми, и, наполняемый современными, большею частію патріотическими статьями, долго былъ у насъ народнымъ. Любопытно, что въ стихотвореніи П. А. Кованьки:

Хоть Москва въ рукахъ Французомъ
Это, право не бѣда, и проч.

напечатанномъ въ первой книжкѣ, предсказано было взятіе Парижа исполнившееся чрезъ полтора года послѣ того.

Сынъ Отечества издавался еженедѣльно, и подъ статьями его мы видимъ много именъ, красующихся и въ нашей литературѣ, и въ нашей исторіи. Чистота языка, пріятность слога, и особенно откровенная, острая, иногда и колкая, литературная критика, составляли отличитель-

ныя черты этого журнала, вдругъ доставившаго Николаю Ивановичу всеобщую извѣстность въ Россіи. Воспомнимъ, что онъ долго не имѣлъ себѣ соперника между другими, впрочемъ и не многочисленными, какъ нынѣ, періодическими изданіями.

Издатель *Сына Отечества* и поступилъ какъ сынъ отечества, обративъ часть вырученныхъ этимъ журналомъ денегъ на составленіе капитала, изъ процентовъ коего въ 3-й С. Петербургской Гимназіи постоянно воспитывается одинъ сирота, сынъ офицера, убитаго на войнѣ. По настоящее время пятеро такихъ сиротъ получили образованіе на счетъ этого благотворительнаго пожертвованія.

Опытъ Исторіи Русской Литературы, напечатанный при изданной въ 1822 году Учебной Книгѣ Россійской Словесности, и въ нѣсколькихъ экземплярахъ особо, былъ весьма замѣчательнымъ явленіемъ въ нашей словесности, сколько по изложенію ея исторіи, столько же, если еще не болѣе, по біографическимъ свѣдѣніямъ о лицахъ, съ пользою подвизавшихся въ Россіи на литературномъ поприщѣ, во всѣхъ его отрасляхъ. Заслуга огромная, требовавшая многолѣтнихъ трудовъ и справокъ.

Съверная Пчела издается Н. И. Гречемъ, обще съ Ѳ. В. Булгаринимъ, съ 1825 года, съ постоянною исправностью и полнымъ знаніемъ дѣла. Николай Ивановичъ, завѣдывая общею редакціею, самъ пишетъ въ ней только въ случаяхъ необыкновенныхъ. Публика замѣтила и огленила статьи его: на кончину Императора Александра Павловича, на кончину Императрицы Маріи Ѳеодоровны, на присягу Его Императорскаго Высочества Государя Цесаревича, на бракосочетаніе Его Императорскаго Высочества, на кончину Великой Княгини Александры Николаевны и Великаго Князя Михаила Павловича ¹⁾, также статьи по случаю нынѣшней войны съ Турками, Французами и Англичанами. Весьма дѣятельнымъ и полезнымъ помощникомъ Николаю Ивановичу по этой ежедневной газетѣ, былъ старшій сынъ его, Алексѣй Николаевичъ, нѣсколько разъ, во время отсутствій своего отца за границу, завѣдывавшій вмѣсто его редакціею. Рано-

¹⁾ Къ сему статьямъ присовокупимъ и написанную имъ на кончину Императора Николая Павловича. (См. № 39 Съв. Пч. 1855).

временная кончина лишила въ немъ Николая Ивановича умнаго, образованнаго и трудолюбиваго помощника ¹⁾).

Русскія Грамматики: Пространная, Практическая и Краткая — плодъ слишкомъ двадцатилѣтнихъ трудовъ, составляютъ наибольшую заслугу, оказанную Николаемъ Ивановичемъ отечественному языку. Первыхъ двухъ разошлось по два изданія, а послѣдней сто пятьдесятъ тысячъ экземпляровъ, причемъ любопытно замѣтить, что грамматики Николая Ивановича были переведены на языки: Нѣмецкій, Французскій, Англійскій, Шведскій, Польскій и Еврейскій.

Энциклопедическій Лексиконъ былъ явленіемъ новымъ и отраднымъ для всѣхъ читающихъ сословій въ Россіи, чему лучшимъ доказательствомъ служить число подписчиковъ, простиравшееся за семь тысячъ. Сверхъ общаго интереса, содержащагося въ иностранныхъ энциклопедическихъ, такъ называемыхъ Conversation's-Лексиконахъ, наше русское изданіе имѣло тотъ частный интересъ, что заключало въ себѣ большое число оригинальныхъ, драгоценныхъ статей о Россіи. Стоитъ только прочесть длинный списокъ именъ редакторовъ и сотрудниковъ, чтобы видѣть, сколько извѣстныхъ лицъ русскаго ученаго міра приняли участіе въ этомъ полезномъ предпріятіи, общимъ голосомъ ввѣренномъ главной редакціи Николая Ивановича. Замѣчали, что нѣкоторыя статьи, обширностью и подробностью своею, выходили изъ предѣловъ, свойственныхъ подобному изданію, но этотъ частный недостатокъ, — справедливѣе сказать излишекъ, съ лихвою вознаграждался въ цѣломъ. Къ сожалѣнію, Николай Ивановичъ, по обстоятельствамъ, не отъ него зависѣвшимъ, довелъ это изданіе только до половины седьмаго тома, не окончивъ и буквы Б. Въ послѣдствіи нѣсколько разъ оно переимѣняло своихъ редакторовъ, и пресѣклось на букву Д.

Военный Энциклопедическій Лексиконъ, предпріятіе также въ высшей степени полезное, особенно при огромномъ числѣ офицеровъ въ

¹⁾ Отъ скончался въ 1850 году, на пути изъ Англій на островъ Мадеру, куда ѣхалъ для возстановленія своего разстроеннаго здоровья. Другой, младшій сынъ Николая Ивановича, Николай, подававшій о себѣ большія надежды, умеръ въ 1837 году, студентомъ С. Петербургскаго Университета.

Русской Арміи, былъ основанъ покойнымъ Генералъ-Лейтенантомъ Барономъ Л. И. Зедделеромъ, вмѣстѣ съ Николаемъ Ивановичемъ. Первый завѣдывалъ военною, послѣдній литературною частью. Въ исходѣ 1840 года, съ окончаніемъ V тома, занятія по ежедневной газетѣ *Съверная Пчела*, по новымъ изданіямъ грамматики и по вновь предпринимавшемуся журналу *Русскій Вѣстникъ*, побудили Николая Ивановича сдать свою долю участія въ Военномъ Энциклопедическомъ Лексиконѣ Барону Зедделеру, который и довелъ это изданіе до конца, почти передъ самою своею смертію.

Извѣстность и занятія Николая Ивановича поставили его въ весьма близкія, частію самыя дружескія, отношенія ко многимъ современнымъ ему отечественнымъ знаменитостямъ. Въ числѣ ихъ, не упоминая живыхъ, назовемъ: изъ писателей — Державина, Дмитріева, Карамзина, Крылова, Жуковского, Гнѣдича, Грибоѣдова, Пушкина, Н. А. Полеваго.

На путешествіяхъ своихъ за границею Н. И. познакомился и сблизился со многими знаменитостями наукъ и литературы: Гётте, Гумбольтомъ, Тикомъ, Тидге, Крейцеромъ, Цшокке, Миттермайеромъ, Томасомъ Муромъ, Талейраномъ, Викторомъ Гюго, Александромъ Дюма, химикомъ Дюма, Карломъ Нодіе и мн. др. Одинъ французскій литераторъ (де-Нуартеръ) посвятилъ ему свое сочиненіе *Mademoiselle Zacharie*, романъ въ двухъ томахъ. Нѣмецкая писательница Луиза Мюльбахъ (жена извѣстнаго писателя Теодора Мундта) посвятила ему свое путешествіе подъ заглавіемъ: «*Die Pilger der Liebe*». Упсальская Академія Наукъ, Франкфуртское Филологическое Общество и Вашингтонскій Національный Институтъ для распространенія наукъ (*National Institute for the promotion of science*) избрали его въ число своихъ членовъ.

Н. И. Гречъ былъ членомъ всѣхъ частныхъ литературныхъ обществъ въ Россіи (С. Петербургскаго, Московскаго, Казанскаго и пр.) и сверхъ того Минералогическаго, Фармацевтическаго и Географическаго.

Пользѣка труженической жизни были посвящены Николаемъ Ивановичемъ на пользу общественную. Труды и имя его не умрутъ въ потомствѣ, и будутъ занимать почетное мѣсто въ Исторіи Русской Литературы.

II.

27-го ДЕКАБРЯ 1854 ГОДА.

Не легко прожить полвѣка
Въ наше время; но свершить
Назначенье челоуѣка,
Жизнь идеѣ посвятить,
Вѣрнымъ быть добру и чувству; —
Но полвѣка другомъ быть
И наукѣ и искусству,
И въ обоихъ заслужить
Уваженіе отъ свѣта
Службой чистой и прямой, —
Какъ завидна участь эта
И высокъ удѣлъ такой!

Помнишь ты иное время,
Видѣлъ ты другихъ людей;
Возмужало быстро племя
Молодыхъ твоихъ друзей,
И другое поколѣнье
Возросло уже вокругъ нихъ:
Въ дѣтяхъ то же уваженіе,
Память та жъ заслугъ твоихъ.

Тайники роднаго слова
Передъ нами ты открылъ,
Языка, для насъ роднаго,
Рѣчи правильной учишь.

И въ годину испытанья
Чисто русскій твой журналъ
Къ чувству русскому возванья
Не напрасно расточалъ;
Онъ былъ эхомъ чувствъ Россіи
Въ незабвенный, славный годъ,
Въ годъ, когда поля родныя
Нашъ отстивалъ народъ,
И за край нашъ православный
Бились храбрые отцы,
Какъ теперь, съ отвагой равной,
Бьются дѣти молодцы.

Съ той поры, при первыхъ тучахъ,
Собравшихся вдали,
Голосъ твой въ листахъ летучихъ
Вновь гремѣлъ. Родной земли
Развивая учрежденья,
Ты умно разоблачалъ
Всѣхъ сосѣдей ухищренья,
Козни западныхъ началъ.
Рѣчью бойкой, звучной, мѣткой
Ты врагамъ давалъ урокъ,
И казилъ насмѣшкой ѣдкой
Дерзость, низость и порокъ.

Педагогъ и литераторъ,
Нашъ грамматикъ, романистъ,
Въ сходкахъ дружескихъ ораторъ,
Журналистъ и юмористъ,
Мужъ добра, другъ правды, чести,
Старецъ, полный юныхъ силъ,
Всѣ дары, всѣ свойства вмѣстѣ
Ты въ себѣ соединилъ, —
И пока въ странѣ родимой
Не умретъ родная рѣчь, —
Будетъ жить и всѣми чтимый
Николай Ивановичъ Гречъ!

Владимиръ Зотовъ.

III.

НИКОЛАЮ ИВАНОВИЧУ ГРЕЧУ

въ день его

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ.

Какъ все народное, любя
И слово русское родное,
Гречь! Поколѣнье молодое
Въ сей день благодарить тебя —
Наставника и корифея,
Какъ благодарный ученикъ,
И вносить въ голосъ юбилея
Съ восторгомъ свой зазданный кликъ!

Какъ Русскаго, какъ человека,
Твоя заслуга велика:
Любя родное, ты полвѣка
Стоялъ на стражѣ языка;
Слѣдилъ за нимъ трудолюбиво,
И какъ отъ примѣси металлъ,
Его отъ чуждаго напыля
Въ родномъ горнилѣ очищаль.
Твоей заботой благородной
Не измѣнилася она —

Въ ея красѣ своенародной
 Живая рѣчь Карамзина!
 Языкъ — сокровищница наша,
 Ненсчерпаемое дно!

Какъ эта пѣнистая чаша
 Хранить кипучее вино, —
 Языкъ хранить весь бытъ отчины,
 Народный смыслъ, народный умъ,
 Слѣды минувшей нашей жизни,
 И нашихъ чувствъ, и нашихъ думъ!
 И лѣтописцу и поэту
 Онъ бережетъ дары вѣковъ;
 И ты сокровищницу эту
 Хранишь — наследіе отцовъ;
 Свой умъ къ ея обогащенью
 Подвѣка ты употребляя,
 И молодому поколѣнью
 Ее съ любовью передалъ!

И съ той же искренней любовью
 Ее беремъ мы отъ тебя
 Теперь, когда ведетъ судьба
 Народность защищать намъ кровью,
 Когда народы встаютъ
 На самобытность Руси нашей
 И насъ въ кровавый бой зовутъ. —
 Родное все милѣй и краше!
 Да будетъ слово наше, Гречь,
 Какъ чувство русское богато!
 Отъ льдистыхъ скалъ до Арарата
 Тобой лелѣянная рѣчь

Да будетъ громкимъ выраженьемъ
Отчизнѣ преданной души!

А ты, ты нынѣ съ умиленьемъ
День этотъ въ сердцѣ запиши:
Подъ этимъ многолѣтнимъ сводомъ
Не только намъ, — отчизны всей
Ты слышишь голосъ; всѣмъ народомъ
Твой отзовется юбилей!
Заслугъ твоихъ онъ не забудетъ,
И жить дотоль ты будешь, Гречь,
Покуда жить народъ нашъ будетъ
И раздаваться наша рѣчь!

Николай Арбузовъ.

IV.

РѢЧЬ,

написанная П. И. Рикордомъ.

Николай Ивановичъ! Считаю себя счастливымъ, что мнѣ довелось, вмѣстѣ съ столькими почтенными особами, праздновать день утѣшительный для тебя, для насъ и для многихъ. День этотъ вдвойнѣ знаменателенъ: по тому, что вѣнчаетъ полувѣковое поприще дѣлателя трудолюбиваго, и ободряетъ вступающихъ на путь труда. Мнѣ же въ этотъ день, который останется памятнымъ и для всѣхъ, вспоминается, въ особенности, изъ *перваго тома моей жизни*, то старое, любезное время, когда я въ первый разъ увидѣлъ Николая Ивановича, молодымъ и свѣжимъ, за его письменнымъ столомъ. Это были годы, на которыхъ еще тепло сіяла слава Отечественной Войны. Отблескомъ этой славы золотилъ ты тогда страницы своего Сына Отечества. Въ то же время, сидя за своими патріотическими листами, ты любилъ слушать и мои простодушные рассказы о трудномъ плаваніи по морямъ отдаленнымъ, къ краямъ негостепріимнымъ, къ землѣ таинственной, о которой носились тогда только темные, сбивчивые слухи. Я говорю о Японіи. Тамъ, въ тѣсномъ заворѣ, томился первый изъ друзей моихъ, одинъ изъ знаменитыхъ нашихъ моряковъ — Василій Михайловичъ Головинъ. Провидѣнію угодно было доставить мнѣ счастье его освободить. Нанутствуемый потомъ дружбою твоею, Николай Ивановичъ, я отправился опять на одну изъ

отдаленнѣйшихъ граней почти безграничной нашей имперіи. И между тѣмъ, какъ я, въ Сибири, управлялъ Камчаткою, ты, въ С. Петербургѣ, справлялся съ Русскою Грамматикою. Не знаю, кому было больше труда. Но честь и слава литератора остались за тобою!..

Прошло послѣ того *много*... не стало *многихъ*! Время сняло съ насъ полуду молодости, но дружба не старѣется, и вотъ она, Николай Ивановичъ, передъ тобою, еще бодрѣе, является, какъ бывало, и подноситъ тебѣ *даръ* — печать твоего юбилея, и знакъ драгоцѣннаго къ тебѣ уваженія собравшихся здѣсь особъ и многихъ отсутствующихъ твоихъ друзей.

V.

НИКОЛАЮ ИВАНОВИЧУ ГРЕЧУ,

27-го Декабря 1854 года.

Въ знаменательный день, когда полвѣка празднуемъ достойныхъ работъ вашихъ на нивахъ роднаго Русскаго Слова, — я, Москвичъ по воспитанью, къ единодушнымъ привѣтамъ соотчичей необъятной родины нашей, воспитанныхъ въ вашихъ урокахъ, и къ выраженіямъ уваженія къ заслугамъ вашимъ присутствующихъ здѣсь почитателей и друзей вашихъ, позволю себѣ присоединить здѣсь мой привѣтъ, равно искренній:

Кто былъ, какъ вы, соотчичамъ полезенъ, —
Потомкамъ намъ тотъ будетъ въ вѣкъ любезенъ!

Г. Немцевъ.

VI.

ПРИВѢТСТВІЕ

НАРКИСА ИВАНОВИЧА ТАРАСЕНКО-АТРЪШКОВА.

Мы собрались здѣсь чтобы праздновать пятидесятилѣтній юбилей достопочтеннаго грамматика, словесника, сочинителя Н. И. Греча.

Всякій трудъ, совершенный на общую пользу, достоинъ уваженія, но конечно труды, совершенные на пользу Отечества, заслуживаютъ полной признательности. — Человѣкъ обязанъ дару слова превосходствомъ своимъ предъ прочими созданіями. Но самый даръ слова ничтоженъ безъ Словесности. — Только при ея развитіи водворяются науки. Можно сказать положительно, что безъ успѣховъ Словесности не только нельзя быть просвѣщеннымъ народомъ, но что процвѣтаніе Словесности необходимо для славнаго существованія государствъ. Даже потомству о доблестяхъ предковъ передаютъ только произведенія Словесности. — Исторія показываетъ существованіе обширныхъ государствъ. Но безъ произведеній Словесности, бытіе ихъ навсегда исчезло для потомства, тогда какъ произведенія древнихъ Греціи и Рима до сихъ поръ извѣстны всякому образованному человѣку. — Единство языка и успѣхи Словесности служатъ крѣпкимъ звеномъ, связующимъ во едино племена. — Единство Словесности вселяетъ общія чувствованія и понятія. Она же внушаетъ любовь къ родинѣ. — Словомъ, успѣхи Отечества Словесности составляютъ опору, славу отечества.

Николай Ивановичъ Гречъ съ заслуженною гордостью можетъ сказать многотысячнымъ своимъ ученикамъ и подражателямъ: «Порадуемся, друзья! довольно сдѣлано въ нашей Словесности въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ. Полвѣка не сходилъ я съ этого благороднаго поприща. Полвѣка трудился я на немъ непрерывно, усердно. Радовался появлявшимся дарованіямъ; скорбѣлъ о нисходившихъ; давалъ спрашивающимъ искренніе совѣты; желалъ душевно успѣха всѣмъ и всякому.»

Принесемъ же наше искреннее поздравленіе и признательность Николаю Ивановичу и пожелаемъ ему здоровья и продолженія столь полезныхъ отечеству и просвѣщенію занятій.

Я не принадлежу къ обществамъ трезвости; но вполне уважаю избранную ими цѣль, даже постоянно соблюдаю установленныя ими правила. Впрочемъ, самыя строгія общества дозволяютъ при особыхъ случаяхъ отступать отъ устава. Конечно, я не могъ избрать случая болѣе приличнаго нынѣшнему. — Въ столь радостную минуту, съ удовольствіемъ отступаю отъ соблюдаемаго мною правила, и прошу позволить: выпить вмѣстѣ съ вами, милостивые государи, полный бокалъ вина — за здоровье Юбилара, Грамматика, Словесника, достопочтеннаго Николая Ивановича Греча.

VII.

РѢЧЬ,

произнесенная К. А. Полевымъ.

Торжество, которое соединяетъ насъ здѣсь, относится не къ одному литератору, но ко всѣмъ, кто посвящаетъ литературѣ часть своей души и своей жизни. Всемиловѣйшій Монархъ, Высочайшій Покровитель всѣхъ благородныхъ побужденій и полезныхъ трудовъ, Высочайшимъ соизволеніемъ Своимъ выразить чувства уваженія одному заслуженному литератору, награждаетъ въ лицѣ его всѣхъ, искренно занимающихся литературою. Это счастливое событіе вызвано литературными трудами и заслугами цѣлой жизни, и за нихъ-то благодарность да будетъ первымъ словомъ вамъ, Русскій писатель!... Мн. Гг.! Положеніе писателя въ обществѣ всегда затруднительно: это говорятъ всѣ, но лучше всѣхъ знаютъ сами писатели. Писатель, наравнѣ со всѣми, долженъ выполнять обязанности человѣка и сына своего отечества; такъ же какъ всѣ долженъ заботиться о благосостояніи окружающихъ его, и притомъ обязанъ работать для отвѣченной и только ему понятной цѣли — совершить подвигъ, котораго идеалъ онъ одинъ носитъ въ душѣ, въ умѣ, въ дарованіи своемъ. Благодаря просвѣщенію, теперь уже не почитаютъ писателя человѣкомъ неспособнымъ къ дѣловымъ занятіямъ: ложное понятіе о писателѣ могли бы опровергнуть блистательные примѣры въ томъ самомъ собраніи, гдѣ нѣкогда честь говорить. Но писатель, исключительно

посвящающій себя литературѣ, вездѣ — а у насъ больше нежели гдѣ нибудь — явленіе не совсѣмъ обыкновенное, потому что положеніе такого писателя представляетъ особенныя трудности. Н. И. Гречъ прошелъ съ честію поприще именно писателя, котораго вся жизнь была посвящена литературѣ. Труды его извѣстны вамъ; но позвольте высказать о нихъ нѣсколько соображеній, гдѣ ясно увидимъ заслугу, нынѣ такъ торжественно признаваемую всѣми нами.

Нѣкоторые изъ насъ еще помнятъ грозный и славный 1812 годъ. Тогда-то явился «Сынъ Отечества», журналъ, достойный своего названія, потому что онъ служилъ выраженіемъ общихъ Русскому народу ощущеній: негодованія противъ враговъ отчизны, восторга, при описаніи славныхъ событій Отечественной Войны, и удивленія къ великому подвигу Монарха и Его народа. Можно сказать, что «Сынъ Отечества» былъ вѣрною лѣтописью 1812-го, 1813-го и 1814 годовъ. Но миновались громы и бури войны, возобновились мирныя занятія, и «Сынъ Отечества» сталъ отчетливою лѣтописью Русской Литературы. Въ немъ участвовали почти всѣ наши литераторы, въ чемъ въ первый разъ явились постоянныя сужденія о новыхъ произведеніяхъ Русской Литературы, и эти сужденія отличались столько же образованностью, остроуміемъ, какъ и прекраснымъ, образцовымъ языкомъ. Имя Н. И. Греча стали произносить съ уваженіемъ въ цѣлой Россіи, потому что въ то время это былъ истинный подвигъ. Мы уже имѣли образцовыхъ по слогу писателей, но изъ этихъ образцовъ не были извлечены правила языка. Въ грамматикѣ слѣдовали большею частію преданію. Н. И. Гречъ безпрерывно пояснял обороты, духъ, правила Русскаго языка, и его разборъ новаго изданія Грамматики Россійской Академіи, напечатанный въ 1819 году, рѣзко отдѣляетъ старыя преданія въ Грамматикѣ отъ новыхъ понятій, и остается навсегда памятникомъ глубокаго познанія языка, искусства въ систематическомъ обсужденіи ученыхъ предметовъ, и той любви къ задушевному занятію, которая одна движетъ науку и пробуждаетъ способности молодаго поколѣнія къ дальнѣйшимъ трудамъ. Жаръ, пылкость, одушевленіе составляютъ отличительный характеръ всѣхъ литературныхъ трудовъ Н. И. Греча. Въ нихъ вездѣ видно не одно знаніе, но и пыл

кая любовь къ просвѣщенію, къ успѣху: она все живитъ, одушевляетъ. Пятнадцать лѣтъ такой литературной дѣятельности, отъ 1812-го до 1828 года, воспитали цѣлое поколѣніе литераторовъ, и съ этого времени утвердился въ нашей литературѣ европейскій характеръ, образованность въ самомъ выраженіи, не только во взглядѣ. Карамзинъ началъ это, Гречъ довершилъ. Мн. Гг.! вы не удивляетесь этому сближенію именъ, зная, что Карамзинъ, какъ литераторъ — не говорю о немъ какъ объ историкѣ — какъ литераторъ не произвелъ ничего громаднаго, первокласснаго; всѣ его прозаическія сочиненія состоятъ изъ легкихъ, такъ сказать журнальныхъ статей; но всѣ проникнуты литературнымъ тактомъ, образованностью, всѣ служатъ образцами языка. Дѣло, начатое Карамзинымъ, съ честью продолжалъ Н. И. Гречъ, и довершилъ заслуги своимъ языку издавіемъ Грамматикъ, которыя утвердили и распространили знаніе правилъ нашего языка. Одно это дало бы Н. И. Гречу мѣсто между почетнѣйшими нашими литераторами; но онъ останется въ нашей литературѣ не только какъ изслѣдователь и утвердитель правилъ языка; онъ останется и какъ литераторъ образцомъ пріятнаго, умнаго, одушевленнаго изложенія всѣхъ предметовъ, которые особенно занимали его литературную дѣятельность. Сочиненія его многочисленны и разнообразны. Во всѣхъ видѣнъ человекъ съ пылкою душою, съ пламенною любовью ко всему прекрасному. Оставаясь въ то же время и образцами языка, они, вмѣстѣ съ филологическими трудами, доставили Николаю Ивановичу прочную славу, которая въ настоящій день одушевляетъ насъ въ общемъ чувствѣ уваженія къ литератору, къ изслѣдователю языка, и — къ человеку. Я не смѣю выражать одушевляющихъ меня ощущеній къ Николаю Ивановичу какъ къ другу всѣхъ дарованій, всѣхъ прекрасныхъ стремленій, но увѣренъ, что многіе разделяютъ эти ощущенія. Пятьдесятъ лѣтъ неутомимой, постоянной литературной дѣятельности — это подвигъ, это примѣръ въ нашей литературѣ! Сколько образованности и добрыхъ началъ передала эта жизнь современникамъ! . . . Она была полезна имъ — будетъ полезна и нашимъ преемникамъ. Эта жизнь останется примѣромъ для молодыхъ людей, посвящающихъ себя литературѣ. Они увидятъ, что истинная любовь къ просвѣщенію, къ родному языку, къ славі и успѣ-

хатъ отечества, и на этомъ поприщѣ производить великія послѣдствія и получаетъ награду въ признательности современниковъ, и въ милостивомъ вниманіи общаго нашего Отца, Покровителя просвѣщенія въ Россіи, возвышающаго Своимъ вниманіемъ смиренныя труды писателя. Вотъ истинное значеніе заслугъ Н. И. Греча, и нашего праздника. Слава Монарху, Который награждаетъ литературныя подвиги, и благодарность тому Русскому писателю, который далъ намъ случай отпраздновать это торжество Русской Литературы!

VIII.

ПОЗДРАВЛЕНІЕ

ИМПЕРАТОРСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ.

*Господину Почетному Члену Императорской Публичной Библио-
теки, Дѣйствительному Статскому Совѣтнику*

НИКОЛАЮ ИВАНОВИЧУ ГРЕЧУ.

Сегодня празднуется пятидесятилѣтній юбилей вашего служенія Русскому Слову. Управление Императорской Публичной Библиотеки, имѣющей честь считать Ваше Превосходительство въ своемъ составѣ, долгомъ признаетъ выразить вамъ по сему случаю свое полное сочувствіе, и поздравивъ со днемъ, въ который, съ Всемилостивѣйшаго соизволенія Государя Императора, отдается почестъ вашимъ заслугамъ на поприщѣ отечественной филологіи, присовокупить желаніе, чтобы и впредь, на долгое еще время, не прерывались полезныя труды ваши, снискавшіе вамъ общую признательность и почетное навсегда имя въ лѣтописяхъ Русской Литературы.

Директоръ Статсъ-Секретарь Баронъ М. Корфъ.

Помощникъ Директора Князь В. Одоевскій.

IX.

ПОЗДРАВЛЕНИЕ

УПРАВЛЕНИЯ УЧИЛИЩА ЕВАНГЕЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ СВ. ПЕТРА.

Seiner Excellenz, dem Wirklichen Staatsrathе, Herru

NICOLAI VON GRETSCH.

Den zahlreichen Glückwünschen, die Ihnen zu Ihrem heutigen Jubelfeste von allen Seiten zukommen werden, fügt das Allerhöchst verordnete Directorium der Schulen der evangelischen St. Petrikirche, eingedenk der von Ihnen als Lehrer an der St. Petrischule vor mehr als vierzig Jahren geleisteten Dienste, den seinigen bei. Denn Ihre Wirksamkeit an jener Lehranstalt ist, obgleich nur von kurzer Dauer, doch von nachhaltiger Wirkung gewesen, deren wohlthätige Folgen sich noch bis auf den heutigen Tag fühlbar machen. Sie haben dazu beigetragen, die Methode einzuführen, nach welcher der Unterricht in der Russischen Sprache mit anerkannt gutem Erfolge in der St. Petrischule erteilt wird. Die unterzeichneten Mitglieder des Directoriums der St. Petrischule ergreifen daher mit Vergnügen die Gelegenheit Ihres Jubelfestes, um Ihnen mit einem herzlichen

Glückwünsche zu dieser seltenen Feier auch ihren Dank für die von Ihnen der Schule geleisteten Dienste darzubringen.

Dr. Gustav v. Lerche.

Dr. Fr. Lorentz, Director der St. Petrischule.

Gustav Reinhold Taubenheim, Pastor d. Evang. Luth. St. Petrigemeinde und Assessor d. Consist.

D. K. Frommann, Pastor an St. Petri.

Ludwig Heyse, Mitglied des Kirchenraths.

X.

ПРИВѢТСТВІЕ

БЕРЛИНСКАГО ВОКНАГО ОБЩЕСТВА.

Hochwohlgeborner Herr! Hochverehrter Herr Staats-Rath!

Durch die Zeitungen ist uns bekannt geworden, dass Sie demnächst das so hoch erfreuliche fünfzigjährige Jubiläum Ihrer so segensreichen Thätigkeit in allen den Richtungen feiern werden, welche Ihren Namen nicht allein in Russland, sondern in ganz Europa so hoch gestellt. In der uns überaus werthen Erinnerung, dass Sie unsere Versammlungen wiederholt durch Ihre eben so belehrende als erfreuende Anwesenheit geehrt und in aufrichtigem Danke dafür, dass Sie in Ihrer Zeitschrift unsere bescheidenen Bestrebungen freundlich anerkannt, fühlen wir uns gedrungen, Ihnen bei dieser Gelegenheit auch aus der Ferne unsere aufrichtigsten Glückwünsche zu dem Ehrentage Ihres Jubiläums darzubringen.

Unter so vielen Ehrenden und Erhebenden als Ihnen die Anerkennung Ihres Kaiserlichen Herren und Ihres Vaterlandes bringen wird, hat zwar ein so bescheidener Glückwunsch, als der unsrige, kaum ein Recht auf Beachtung. Möge aber die Herzlichkeit mit der wir ihn dem, um sein Vaterland hochverdienten Manne zuzurufen, ihm ein Plätzchen in Ihrer Erinnerung gewinnen.

Der Himmel erhalte Sie den Ihrigen, Ihrem Kaiser und Ihrem Vater-

lande noch lange in ungeschwächter Kraft und lasse Sie auch ferner mit vollster Genugthuung auf ein segensreiches Wirken zurückführen!

Das wünschen von Herzen und in aufrichtigster Theilnahme

die Mitglieder der Militairischen Gesellschaft

<i>L. Schneider,</i>	<i>v. Witzleben,</i>	<i>von Schinding,</i>
Königlicher Hofrath.	Hauptm. im Ersten Garde-Reg. zu Fuss.	Hauptmann im 1te Garde-Reg.
	(als Vorstände.)	

Potsdam, den 20-sten December 1854.

XI.

НѢКОТОРЫЯ ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЙ, ПИСЕМЪ И ПР.,

ПОЛУЧЕННЫХЪ ЮБИЛЯРОМЪ.

I.

НА ЮБИЛЕЙ Н. И. ГРЕЧА.

Позволь въ привѣтъ, но съ искреннимъ сознаньемъ,
Сказать тебѣ, внушенное душой,
И со святымъ тебѣ воспоминаемъ —
Соединить день юбилея твой;
Я помню мать въ твоёмъ семейномъ кругѣ,
Примѣръ ума, радушья, доброты,
Она жила — отрадой въ сынѣ другѣ,
Ея любви не позабудешь ты.
Такъ! есть для душъ сближеніе участья,
Между взятыхъ отъ міра и живыхъ,
Не можетъ быть холоднаго безстрашья,
Господь любви не разлучаетъ ихъ! —
И въ этотъ день, когда твое стремленье —
Полезнымъ быть, увѣнчано хвалою,
Здѣсь матери твоей благословенье, —
Невидимо склонилось надъ тобой ¹⁾.

Б. Федоровъ.

¹⁾ Стихи эти положены въ ящикъ, со стихами другихъ на юбилей Николая Ивановича.

2.

Н. И. ГРЕЧУ.

Въ честь того, кто для науки
Годы лучшіе обрёкъ,
Кто роднаго слова звуки
Въ формы новыя облёкъ,
Съ рѣчью русскою, пѣвучей,
Насъ знакомилъ и дружилъ,
И тайникъ ея, могучій,
Полнъ богатства, намъ раскрылъ!

Въ честь того, кто въ дни невзгоды,
Какъ на Русь, на смертный бой,
Вѣлъ Европы всей народы
Счастья баловень съ собой,
На врага воспрянулъ смѣлый —
Сынъ Отечества возникъ —
И Россіи за предѣлы
Прогремѣлъ побѣдный кликъ!

Въ честь того, кто крыльямъ Пчелки
Мысли, чувства повѣрялъ;
Городскія вѣсти, толки
Подмѣчалъ и собиралъ;

Намъ романомъ, или шуткой
Услаждалъ досужій часъ;
Въ длинный вечеръ прибауткой
Мастерски цвѣтилъ рассказъ!

Многихъ нѣтъ! . . . Иной далече,
Зналъ кто трудъ, дѣлилъ досугъ!
Но припомнить имя Греча
Не одинъ нашъ тѣсный кругъ!
Будутъ помнить и потомки;
Съ нимъ навѣкъ слалась пора
Дѣтскихъ лѣтъ! . . . И тостъ мой громкій:
Благодарное ура!

Особнякъ.

3.

ТОСТЪ ВЪ ЮБИЛЕЙ
НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ГРЕЧА,
27 Декабря 1854.

Наконецъ, юбилей —
И тебѣ, нашъ почтенный
Ветеранъ-грамотѣй! —
Въ этотъ день вождедѣнный,
Собрались откутить,
Дружелюбной семьею,
Всѣ, кто только цѣнить
Можетъ, русской душою,
Тѣ заслуги, что Гречъ —
Оказалъ, очищая
Православную рѣчь,
Даровавъ ей, впопадъ,
Грамматическій складъ. . . .
И, ура! и, многи лѣта! —
Гречу нашему отъ насъ,
Средь заздравнаго привѣта,
Въ добрый часъ!
Въ добрый часъ!
Да одною ли только
И грамматикой взявъ,

Ты, нашъ книжникъ, что столько
 Умныхъ книгъ написалъ,
 На вѣку своемъ умномъ,
 Умнымъ, бойкимъ перомъ,
 Въ свѣтъ черпая шумномъ,
 И игривымъ умомъ,
 Съ поэтическимъ жаромъ —
 За сюжетомъ сюжетъ,
 Нашъ словесникъ, не даромъ,
 Съ девятнадцати лѣтъ! . . .
 И, ура! и, многи лѣта! —
 Гречу нашему отъ насъ,
 Средь задравнаго привѣта,
 Въ добрый часъ!
 Въ добрый часъ!

Филологъ и грамматикъ,
 Географъ — педагогъ,
 Педагогъ — математикъ,
 И историкъ, въ итогъ —
 Человѣческихъ знаній,
 И притомъ романистъ,
 Не безъ грѣзъ и мечтаній. . . .
 Наконецъ, журналистъ,
 И туристъ европейскій,
 И острякъ на словахъ,
 Какъ острякъ и фернейскій, —
 Гречь, Вольтеръ нашъ въ очкахъ! . . .
 И, ура! и, многи лѣта! —
 Гречу нашему отъ насъ,
 Средь задравнаго привѣта,
 Въ добрый часъ!
 Въ добрый часъ!

Вотъ, кажись бы, и холодъ —
Долженъ ты навѣвать...
Все жъ еще сердцемъ молодъ,
Такъ умѣешь писать,
Что и въ эти-то лѣты,
У тебя подь перомъ,
Строки жизнью согрѣты,
Искрясь пылкимъ умомъ!...
И, ура! и, многи лѣта! —
Гречу нашему отъ насъ,
Средь задравнаго привѣта,
Въ добрый часъ!
Въ добрый часъ!

И архи-грамотѣй,
Разнородно-ученый, —
Торжествуй юбилей,
Такъ тобой заслуженный, —
Что и русскую рѣчь,
Какъ достойный сподвижникъ
Славы русской, о Гречь,
Первенствующій книжникъ,
Оковалъ, не въ накладъ, —
Въ грамматическій складъ!...
И, ура! и, многи лѣта! —
Гречу нашему отъ насъ,
Средь задравнаго привѣта,
Въ добрый часъ!
Въ добрый часъ!

В. Любичъ-Романовичъ.

4.

Н. И. ГРЕЧУ.

Настанетъ скоро день желанный,
Раздастся стукъ задравныхъ чашъ,
И засияетъ увѣнчанный
Подъ лавромъ ликъ почетный вашъ!
Умомъ глубокимъ, чудной силой
Умѣли вы себѣ стяжать
Уже безсмертье до могилы;
За то вамъ наше: исполать!
Безъ битвы знали вы побѣды;
На васъ иная благодать;
И то чему учились дѣды
То будутъ внуки повторять,
И разнесутъ далеко звуки
Пятьдесятъ-лѣтїя зарю
Служенья вашего наукъ,
Литературѣ и Царю!
Господь подай вамъ долголѣтье!
Пусть будетъ ваша жизнь свѣтла!
Свершайте снова полстолятья,
Трудолюбивый какъ пчела!

А. Брескигъ.

Къ симъ стихамъ присовокуплено было Г. Кренинымъ слѣдующее:
»Почитатель вашъ, молодой содержатель гостинницы Ефимъ Лукичъ
Редуевъ, у котораго я живу уже шестой мѣсяць, чувствуя всю пользу и

цѣну вашей грамматики, посредствомъ которой онъ руководствовался во все время своего ученія на школьной скамейкѣ, просилъ меня доставить вамъ, вмѣстѣ съ моею посылкой, *кулебяку*, приготовленную лучшимъ его поваромъ, изъ свѣжихъ невскихъ сиговъ, только что привезенныхъ изъ Петербурга.

«Ефимъ Лукичъ Редуевъ льститъ себя надеждою, что даръ — чисто русскій — не будетъ отвергнуть отцомъ Русскаго Языка, съ восторгомъ поднесенный благодарнымъ питомцемъ русской незатѣйливой школы, въ которой красовалось и повторялось имя ваше.»

Пріятный этотъ подарокъ былъ полученъ за три недѣли до дня юбилея, 6-го Декабря, въ самой день именинъ юбиляра. Не было возможности сохранить кулебяку такъ долго, и гости Николая Ивановича скушали ее на здоровье, выпивъ тостъ за Е. А. Редуева.

ж. ш.

5.

VIRO EXCELLENTISSIMO,

annis meritisque venerabili

NICOLAO JOANNIDAE DE GRETSCH,

Aug. Imperialis Russ. reapse a Consiliis publicis, Equiti illustrissimo,
Academiae Imper. disciplinarum et Bibliothecae Imperialis publicae
Socio honorario, etc.

SOLEMNIA SEMI-SAECULARIA

munerum quibus per decem lustra functus de institutione juvenili in Russia
omnique literarum Russicarum cultu optime meritus est

d. 27. Decemb. 1854 Petropoli celebranda

summa qua par est veneratione

gratulatur

DR. CH. FR. WALTHER.

Fortunate Senex, quae lux Tibi ab aethere risit!
Sunt bis quinque hodie lustra peracta Tibi,
Ex quo Tu patriae vires operamque ministras
Muneribus variis, arte, labore, fide.
Quantus ubique strepit plausus laetusque tumultus
Consensu unanimi Te celebrare studens!
Ipse Pater Patriae pietatis praemia pendens
Insignem insigni cingit honore virum.

Judicio celso cui plaudit Russia docta,
 Plaudit Petropolis lactaque vota dicat.
 Nos quoque conjunxit, meminisse juvat, studiorum
 Vinculum et nunc socios Bibliotheca facit.
 Plausibus hinc populi liceat mihi jungere vota
 Versiculis, odium non timeo, Latiis. —

Festa cohors celebrat pia, millia discipulorum,
 Qui fuerant olim penduli ab ore Tuo.
 Illi omnes nectunt capiti immortalia sarta
 Doctorique suo praemia digna ferunt.
 Nec docuisse gregem contento gloria crevit,
 Ipsos doctores, Vir venerande, doces.
 Sparsisii innumeris doctrinae semina libris
 Atque diu volitant scripta per ora virum.
 Russorum doctor, Tu princeps grammaticorum,
 Quam premerent ceteri, munierasque viam.
 Dictio quae valeat, quae non sit Russica, per Te
 Perspicue edoctum certaue norma data est.
 Pieridum Tu Russicolum columenque decusque
 Strenuus interpres pandere linguae et opes.
 Facundae per Te suavissima gratia linguae
 Omnibus emicuit, copia larga, vigor.
 Ast alii virides cingunt Tibi tempora lauri
 Atque aliis studiis praemia parta virent.
 Nam „Borealis Apis“ Tibi nomine et omine fausto
 Extitit ingenii gloria magna Tui.
 Arte pari Tecum sollers Bulgarinus, ambo
 Dulcia ceu sedulae mella paratis apes.
 Eminent hic pietas studium patraeque salutis
 Quae curae et cordi est nocte dieque Tibi.
 Fortiter impugnas patriae convicia vana
 Hostibus ac stultis aspera hella moves.

Macte Tua pietate! Dedit sua praemia virtus!
Cernite nunc Gretschi gaudia rara senis!
Sed quid plura loquor? — Genius libamina poscit
Atque meri dulcis pignora laeta dies.
Tres cyathos primos victricia CAESARIS arma,
Christicolûm ac Patriae gloria honorque petunt!
Vina propinentur Tibi! Vive valeque beatus!
Lustraque contingant bis Tibi dena! Vale!

Dr. Ch. Fr. Walther.

6.

Dem Jubilar Gretsch,

am 27 December 1854.

Die Jugend prunkt mit ihren Blüten,
Und doch war jeder jung einmal; —
Im Rosenlicht die Wangen glühen,
Und trotzig blickt' des Auges Strahl. —
Für Geist gilt oft der Jugend Feuer,
Für Dichter — Klang aus goldner Leyer.

Doch kommt der Winter angeschlichen,
Und streut sein Silber in das Haar,
Sind Rosenwangen dem erblichen,
Erlosch der Blitz im Augenpaar;
Dann gleicht mit gekrümmtem Nacken,
Der Greis den ausgebrannten Schlacken.

Doch wo in frischer Jugendblüthe
Der Geist den Körper überragt,
Wo Dichterquell tief in Gemüthe
Von Wunderharmonien sagt,
Die Götterklänge zu uns bringen,
Und tief in Geist und Herz uns dringen;

Wird noch der Greis zum Frühlingsengel,
 Ein ewig junges Blütenreis,
 Da fühlt man nicht der Erde Mängel,
 Der Geist erringt den Siegespreis,
 Und jauchzend schallen Sphärenlieder
 Zu seinem Ruhm vom Himmel nieder.

So stehst Du jetzt vor meinen Blicken,
 Du, hochbeglückter Jubilar!
 Aus Eden möcht' ich Blumen pflücken,
 Zu kränzen reich dein Silberhaar.
 Der geistigen Jugend Himmelsquelle
 Perlt reich in deiner Herzensquelle.

Ja, glühend steigt zum Himmelsdom
 Für dich mein innigstes Gebet,
 Dass ewig frisch im Zeitenstrom
 Fest steht dein Bild, du Geist-Athlet!
 Wenn längst mein Herz in Staub zerfallen
 Mag kräftig noch dein Lied erschallen.

Nimm hin den Kranz, den dir gewunden,
 Ein Weib, das kindlich dich verehrt,
 Dem du, in vielen trauten Stunden,
 So manches Edle hast gelehrt.
 Zum wohlverdienten Festesglücke,
 Dein edles Haupt der Lorbeer schmücke ¹⁾.

A. B.

¹⁾ При этих стихах присланъ былъ въ залу торжества лавровый вѣнокъ, увѣтый бѣлою лентою, съ цифрою юбиара. Стихи сочинены, или доставлены, одною изъ первыхъ артистокъ Санктпетербургскаго Нѣмецкаго Театра.

7. .

An Gretsch ¹⁾.

Zur Jubelfeier seiner fünfzigjährigen literarischen Wirksamkeit,
den 27. December 1854.

Nah' und fern grüsst Dich im Zarenlande
Reinsten Dankes lauter Jubelruf,
Hehre Freude glänzt im Lichtgewande,
Jauchzt den Werken, die Dein Geist erschuf.
Ja, so weit der Reussen Sprache klinget,
Wird mit Stolz Dein Name auch genannt,
Den ein halbes Sæculum umschlinget
Mit des Ruhmes frischem Blütenband.

Was du gabst, es lebt durch alle Zeiten,
Bleibt ein Denkmal Deiner geist'gen Kraft,
Die so rastlos strebte fortzuschreiten,
Die ein halb Jahrhundert nicht erschafft.
Wie Dir Aller Blicke froh begegnen,
Deinem Fest die Freude Weirauch streut,
Werden Enkel Deine Urne segnen,
Wenn Du einzogst zur Unsterblichkeit.

¹⁾ Напечатано въ № 286 Спб. Академическихъ Вѣдомостей, 24 Декабря 1854 г.

Glücklich wir, die heute Dich begrüßen,
Von der gold'nen Feier Glanz umstrahlt,
In den Freudethränen, die Dir fließen,
Ist die Würd'gung Deines Werths gemalt.
Weile lange noch in uns'rer Mitte,
Viel des Schönen spende uns Dein Geist,
Ew'ge Jugend schweb' um Deine Schritte,
Wie sie jetzt die heit're Stirn umkreist!

A. Tollert.

ПИСЬМО

Протоіерея Павскаго ¹⁾.

Милостивый государь, Николай Иванович!

Отъ души поздравляю васъ, любезнѣйшій, что вы достигли пятидесяти-лѣтія вашихъ трудовъ на пользу отечества, особенно по отношенію къ Русскому Слову. Пріятно оглянуться назадъ и видѣть, какое вы заслужили уваженіе у всѣхъ любящихъ Русской Языкѣ. Хотѣлось бы и мнѣ видѣть, какъ вы радуетесь и какъ другіе вмѣстѣ съ вами радуются вашему юбилею, но болѣзнь удерживаетъ меня дома и едва едва допускаетъ до церкви, для обыкновеннаго нашего служенія. И потому заочно поздравляю васъ и сорадуюсь вамъ.

Уважающій васъ, придворной Тавряческой церкви Протоіерей

Герасимъ Павскій.

¹⁾ Изъ совѣтниковъ своихъ на поприщѣ Русской Грамматки, Николай Ивановичъ пригласилъ на свой юбилей двоихъ: Александра Христофоровича Востокова и Герасима Петровича Павскаго. Александръ Христофоровичъ былъ на юбилеѣ. Въ концѣ обѣда, Николай Ивановичъ желалъ, съ согласія и одобренія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, провозгласить тостъ за здоровье сего достойнаго и ревностнаго дѣятеля, подвигающагося на пользу Русской Филологіи въ теченіе пятидесяти лѣтъ, но это желаніе осталось безъ исполненія, потому что Г. Востоковъ въ то время уже уѣхалъ. — Герасимъ Петровичъ удержавъ былъ отъ посѣщенія юбилея болѣзнію, и поздравилъ юбиляра помѣщаемымъ здѣсь письмомъ.

ПИСЬМО

Г. РЕННЕРА ФОНЪ-ЭСТЕРРЕЙХРА ¹⁾.

Monsieur,

Les feuilles publiques ont récemment annoncé que vous êtes sur le point d'atteindre votre jubilé semi-séculaire, et qu'avec l'autorisation de S. M. L'EMPEREUR, un comité s'est institué à l'effet de régler les détails de cette fête, dont la célébration aura lieu à la fin de ce mois d'une manière conforme à la bienveillance dont SA MAJESTÉ IMPÉRIALE vous honore, et aux éminentes qualités qui vous distinguent.

Permettez, Monsieur, à une de vos anciennes connaissances de venir, quoique de bien loin, s'associer à ceux qui à l'occasion de cette solennité vous apportent de tous côtés leurs félicitations, et agréez les vœux sincères qu'il forme pour que vous puissiez jouir pendant de longues années encore de cette estime générale dont vous êtes à si juste titre entouré.

J'ose espérer que vous recevrez gracieusement ces compliments et ces vœux, d'un homme que vous avez sans doute oublié, mais dont le souvenir se réveillera peut-être dans votre mémoire, lorsque je vous aurai dit qu'à

¹⁾ Въ 1817 году Н. И. Гречъ, путешествуя по Швейцаріи съ родственникомъ своимъ И. К. Борномъ, встрѣтился и познакомился съ Г. Реннеромъ фонъ-Эстеррейхеромъ, датскимъ консуломъ въ Триестѣ. Они провели вмѣстѣ нѣсколько дней, и искренно полюбили другъ друга. Н. И. упоминалъ объ этой встрѣчѣ въ своихъ письмахъ изъ Швейцаріи. Съ тѣхъ поръ они не видались и не переписывались. Нынѣ Г. Реннеръ, узнавъ о предстоящемъ юбилеѣ Н. И., поздравилъ его этимъ письмомъ, приносящимъ равную честь имъ обоимъ.

la mi-septembre de l'année 1817, nous nous rencontrâmes près de Francfort sur M., que nous fîmes ensemble le voyage de Suisse, pour nous quitter à Zürich, après avoir visités la chute du Rhin près de Schaffhouse, et avoir échangés trois exemplaires de cette vue, au bas desquels nous inscrivîmes réciproquement notre nom. L'un de ces trois dessins fut remis a. M. de Born qui se trouvait avec nous.

Depuis ce temps j'ai précieusement conservé cette vue marquée de votre signature, qu'accompagne la qualité de «Rédacteur du Fils de la Patrie» et dont je pourrais au besoin soumettre l'authenticité à votre inspection.

Le temps que nous avons passé ensemble m'a laissé un souvenir toujours vivant dans mon esprit, malgré le grand nombre d'années qui depuis se sont écoulées, non sans laisser leurs traces sur notre tête, et c'est ce souvenir qui m'a dicté les lignes que vous venez de lire et les sincères félicitations qu'elles renferment.

S'il vous plaisait me favoriser de quelques mots de réponse, je les recevrais avec d'autant plus de plaisir qu'ils me prouveraient que vous n'avez point tout à fait mis en oubli un homme qui, sur les bords de l'Adriatique où il passe ses jours, espère, s'il plaît à Dieu, célébrer de son côté, l'année prochaine, son jubilé consulaire.

Agréez dans tous les cas, Monsieur, l'assurance de la parfaite considération avec laquelle j'ai l'honneur, etc.

Trieste, le 18 décembre 1854.

J. P. Renner d'Oesterreicher,
Consul général de S. M. Danoise, commandeur de Danebrogue.

ПИСЬМО

Войскового Старшины Г. Иванова къ одному изъ учредителей юбилея.

Родясь въ отдаленномъ, степномъ краю, въ Астрахани, когда учебныя пособія были тамъ еще очень бѣдны, я не могъ получить основательнаго образованія. Въ Астрахани хотя и была гимназія, но я долженъ былъ оставить ее чрезъ три мѣсяца — по случаю смерти родителей моихъ, — ихъ похитила у меня страшная чума въ 1808 году, — и я остался круглымъ сиротой, 15 лѣтъ отъ роду. Уже офицеромъ и адъютантомъ былъ я, когда вышла Грамматика Николая Ивановича Греча, которой я не имѣлъ времени вполне изучить, занятый службой и дѣлами, но обязанъ ей тѣмъ, что хотя сколько нибудь могъ усвоить себѣ правила роднаго языка нашего, такъ превосходно Н. И. изложеннаго. До земли кланяюсь Его Превосходительству, и пользуясь случаемъ, посылаю при семъ и мою лепту для юбилея, вполне имъ заслуженнаго. Велики заслуги Николая Ивановича на литературномъ его поприщѣ! Помню, какъ теперь, съ какою жадностію читали мы, Русскіе, журналъ его: «Сынъ Отечества,» превосходный и по языку, и по изложенію, и по духу. Перо Николая Ивановича для враговъ какъ русскій штыкъ, какъ казачья пика, какъ пуля финскаго стрѣлка. Да продлитъ Господь Богъ жизнь его еще на многія лѣта!

Войсковой Старшина, или казакъ

Егоръ Ивановъ.

13 Декабря 1854.

Городъ Або, Финляндія.

II.

FÊTE DU JUBILÉ SEMI-SÉCULAIRE

DE

Mr Nicolas Gretsch,

le 27 décembre dernier ¹⁾.

Je ne sais comment j'en causerai, mais voici un sujet qui a jeté mon esprit dans un monde de rêverie, d'émotion et d'orgueil. Pouvait-il en être autrement à la vue de l'hommage public rendu par une phalange de hautes intelligences et de hauts dignitaires; par la naissance, les titres et la fortune; par tout ce qui brille, par tout ce qui impose, par tout ce qui est enviable, à l'homme modeste qui se présentait paré du simple titre de publiciste, d'écrivain, d'homme de lettres? à cette vue, l'attendrissement m'a gagné, et bientôt, songeant que le plus humble pouvait, par le fidèle culte de la pensée, arriver à ce magnifique résultat, j'ai senti un souffle d'orgueil soulever ma poitrine.

En vérité c'est une chose bien merveilleuse que le pouvoir occulte, mais réel, de cette chose insaisissable, dont le principe échappe à la raison même, et que tous les hommes reconnaissent, la pensée! qui peut se voiler par moments, mais qui ne s'éteint jamais, la pensée, la reine du monde, que bravèrent les barbares de l'antiquité, que foulèrent aux pieds les bar-

¹⁾ Изъ № 597 Journal de St. Pétersbourg, 5 Января 1855 г.

bares des invasions occidentales, mais sous laquelle ils ne tardèrent pas à courber le front, comme le fier Sicambre sous l'eau salulaire du baptême, qui devait rendre toute sa dignité à la pensée! Je ne dis là rien de fort nouveau, je le sais: mais le soleil n'est pas nouveau, l'Océan et ses horizons ne sont pas nouveaux, et pourtant tout cela n'a pas cessé de vous émerveiller. Il y a des gens qui vous disent avec assurance: Ne parlez plus de ceci, c'est une vérité, sans doute, mais elle est si vieille! Ne parlez plus de rien alors, parce que tout est vieux; murez votre esprit, soufflez sur votre intelligence et vous ensevelissez dans le sommeil des ténèbres... là il n'y a rien de vieux, si ce n'est les ténèbres mêmes. Je sais bien qu'on va m'objecter «le lieu commun;» je n'accepte point le prétexte: le lieu commun a des signes distinctifs et auxquels on ne saurait se tromper: il n'est qu'un pâle clair de lune de la pensée, le mot est de Rivarol: c'est le faux-semblant de l'idée, quelque chose de vide, de froid, d'inerte, de mort; il n'a ni feu, ni couleur, ni âme, ni caractère; qui ose le confondre avec la vérité, la vérité éternelle, qui est aujourd'hui ce qu'elle fut hier, et qui est toujours bonne à montrer et bonne à voir!... que penseriez-vous d'un homme qui vous dirait: le soleil me fatigue les yeux; éteignez cette chandelle?

Donc ce qu'on a dit de la pensée, hier, peut se dire encore aujourd'hui. Un amant s'est-il jamais lassé de diré à l'objet de sa passion: je t'aime? c'est pourquoi, je le répète, la pensée est une grande et belle chose, toujours merveilleuse, toujours puissante, toujours attrayante et aimable. Quoiqu'on dise, quoiqu'on fasse, elle fait briller sur le front de l'homme l'étoile qui atteste sa céleste origine! Ainsi pensait Pascal, le grand penseur! Mais si telles sont les qualités de la pensée, quelle estime ne mérite point celui qui a fait de son culte l'occupation de sa vie entière; qui n'a eu d'autre ambition que de la répandre, qui l'a honorée par son esprit, par ses travaux, par sa parole! Et je parle ici de la pensée sage et utile, qui porte en elle la vie et, avec la vie, l'avenir, parce qu'elle est riche et fécondante, parce qu'elle est généreuse, parce qu'elle nourrit, parce qu'elle éclaire, parce qu'elle crée, parce qu'elle immortalise! je parle de la pensée qui appartient à toutes les faces de l'intelligence humaine, qui appartient

aux arts comme à la philosophie, qui parle la langue du poète comme celle de l'homme d'État, qui ne saurait s'emprisonner aux frontières d'un pays, et se croire étrangère au Nord parce qu'elle naquit au Midi; qui est la même pour toutes les latitudes, la même pour toutes les races, la même pour tous les peuples. — Qu'elle s'exprime, en effet, par la bouche d'Homère ou de Virgile, de Socrate ou de Sénèque: que Dante ou Shakespear les formulent, Camoëns ou Goethe, Pascal ou Leibnitz, Châteaubriand ou Pouschkine, elle appartient également à la grande famille des nations civilisées. C'est pourquoi nos pères avaient imaginé ce qu'on appela longtemps la république des lettres. Quelles étaient les limites de cette étrange république? où était-elle située? quel nom avait sa capitale? quel nom son peuple? — Cette république, elle existait partout où se trouvait un cerveau pour produire une pensée, une langue pour la formuler, une plume pour l'écrire. Magnifique association que celle qui resserrait ainsi dans le même faisceau moral toutes les intelligences d'élite éparses sur les divers points du monde; merveilleuse idée que celle qui leur donnait une patrie commune, les faisant membres de la même famille, leur inspirant un seul intérêt, une seule passion, l'amour de la vérité, amour saint, que renferme tout entier le culte de la pensée!

Ainsi je rêvais à toutes ces choses, en sortant, lundi de la semaine dernière — 27 décembre — de la fête jubilaire de M. N. Gretsck, l'âme encore tout émue des honneurs qu'un grand pays représente par tout ce qu'on peut voir d'éminent dans les lettres, dans les arts, dans la science, dans la guerre, dans l'administration, dans la législation, dans l'industrie, dans le commerce, venait de rendre à un de ces hommes modestes et célèbres auxquels j'é viens de faire allusion, intelligences utiles, qui ajoutent aux lumières de leur pays, à la gloire duquel se mêle leur propre lustre, et qui appartiennent d'ailleurs à cette grande famille intellectuelle de l'humanité que le monde entier réclame.

Mais avant de raconter la fête, que je dise quelques mots de celui qui en fut l'objet; avant de raconter les honneurs, que je fasse connaître le héros. Qu'on se garde de croire, toutefois, que je prétende tracer ici une biographie régulière; à d'autres ce soin, cette biographie a d'ailleurs été

faite déjà, et j'ai pu me convaincre, en y jetant les yeux, de la plénitude laborieuse, de l'activité haletante de cette existence d'homme de lettres et de publiciste, de grammairien et d'homme d'esprit, d'écrivain, de voyageur, de penseur humoristique, que cinquante ans de travaux, de luttes, de voyages, de pensées, d'écrits, de paroles et d'ardeur, n'ont encore pu ni fatiguer ni épuiser! . . . Toujours sur la brèche, l'œil aux aguets, l'oreille tendue et la plume taillée, il n'attend que le moment et l'occasion, prêt à faire feu de sa verve et de son esprit: gare à qui se trouve devant!

M. Gretsch appartient par son origine à la Bohême. Les persécutions religieuses jettèrent, au commencement du XVIIe siècle, ses aïeux dans l'émigration: ils se retirèrent en Prusse: l'un d'eux fut poussé en Russie: c'était son bis-aïeul. Je ne signale ce fait que pour en rappeler un autre, cette vieille hospitalité de la terre russe, si souvent devenue la patrie des plus honorables étrangers.

Quant à M. Nicolas Gretsch, il me suffira de dire qu'après avoir fait de rapides et bonnes études avec cet esprit impatient et cette vive intelligence qui l'ont toujours caractérisé, il les recommença pour ainsi dire afin de les renforcer, suivant le matin les cours des écoles, et le soir se livrant lui-même à l'enseignement pour subvenir à ses propres besoins et à l'éducation de deux sœurs chéries; car c'est une justice qu'il est important de lui rendre, M. Gretsch eut toujours le cœur aussi bon et généreux que l'esprit animé. Cet enseignement, il le commença en 1804, — point de départ de cette active carrière d'un demi-siècle, qu'on vient de célébrer; — deux ans plus tard, en 1806, la traduction d'un livre allemand marquait ses premiers pas dans la voie politique, et, l'année suivante, le publiciste se révélait dans la rédaction d'une feuille qui avait pour titre: *le Génie du temps*. Bientôt après, il éditait *le Journal des voyages modernes*, puis il s'essayait dans la philologie russe et publiait *un Essai sur la conjugaison*. — C'était en 1811. Ses jeunes travaux furent honorés de l'ordre de Saint-Vladimir de la 4e classe. 1812 arrive; époque solennelle pour la Russie — solennelle et grave — qui devait donner au monde le merveilleux spectacle d'une double épopée aux proportions gigantesques de constance et de bravoure, ici sublime par l'héroïsme du sacrifice, ici admirable par l'héroïsme

de la retraite! — Deux peuples vaillants en présence — qui apprennent sur les champs de bataille à se connaître et à s'estimer!

A cette époque donc, la Russie avait senti bouillonner dans son sein tout son vieux sang slave; on vit les écrivains quitter la plume pour prendre l'épée: il y en eut qui s'emparèrent de la lyre de Tyrthée: M. Gretsch créa un journal, *le Fils de la Patrie*, recueil national, dont l'idée seule recommandait le jeune publiciste à la reconnaissance de son pays — il avait vingt-cinq ans. — Ce recueil est resté plus d'un quart de siècle entre les mains de M. Gretsch. — Qu'on me permette de me hâter. La paix se fit. Le journaliste revint un instant à ses travaux philologiques: il jeta les bases d'une grammaire russe; bientôt les voyages le tentèrent. Il visita Paris, mais en esprit attentif et curieux qui cherche quelque butin intellectuel à faire: il y prit la méthode d'enseignement lancastrien, qu'il introduisit dans son pays, au profit des soldats de la garde. — Bientôt après, il s'associa avec un homme d'esprit, M. Boulgarine, devenu depuis son collaborateur, et fonda avec lui une feuille politique et littéraire, *l'Abeille du Nord*: le publiciste avait reparu; c'était en 1825. — Cette feuille se répandit, la pensée politique pénétra pour la première fois dans les classes populaires, le sentiment patriotique se systématisa, si l'on peut ainsi parler; il fut éclairé, soutenu et dirigé, et, suivant la belle devise du régénérateur de l'Empire: *vires acquirit eundo*. Que nous importe que deux ans plus tard, le journaliste ait publié sa *grammaire*: c'était un délassement qu'il donnait à son esprit actif, habitué d'ailleurs à l'abstraction méthodique.

M. Gretsch veut goûter toutes les émotions de l'écrivain: le voici qui publie un roman, *la Femme noire*, dont le grand défaut à l'étranger fut d'avoir été très-mal traduit en français, défaut malheureusement commun à la plupart des livres russes. Nous ne tardons pas à trouver notre publiciste, notre grammairien, notre romancier à la tête de la rédaction d'un dictionnaire encyclopédique. . . Son nom et son exemple donnèrent une singulière ardeur à cette entreprise nationale: c'était à qui se ferait enrôler dans la phalange de ses rédacteurs, que devait diriger ce chef vaillant et expérimenté: malheureusement l'imprévoyance ou l'inhabileté de l'éditeur empêcha l'œuvre d'arriver à son terme.

Après ces travaux encyclopédiques, l'écrivain a besoin d'un délasserement sérieux : il va visiter l'Allemagne et l'Italie : mais, là encore, il travaille pour son pays : l'*Abeille du Nord* devient la confidente de ses impressions, de ses remarques, de tout ce qu'il voit, de tout ce qu'il pense. De retour, le voyageur monte en chaire et professe un cours public de littérature russe ; sa parole lucide, spirituelle, attachante, captivait ses nombreux auditeurs, tandis que sa plume facile continuait à confier à l'*Abeille du Nord* ses rapides improvisations. Je vous dis que l'activité de cet esprit était fébrile, dévorante ; et je ne vous parle pas de ses nombreuses relations tant à l'étranger que dans son pays. Il serait long d'énumérer toutes ses relations, toutes ses correspondances, toutes ses amitiés littéraires. L'Académie des sciences d'Upsal, la Société philologique de Francfort, l'Institut national de Washington le comptent au nombre de leurs membres, ainsi que toutes les Sociétés littéraires de la Russie.

Je le dis encore : je ne prétends point ici faire la biographie de M. Gretsch, j'ai simplement voulu donner une idée de cette vie pleine d'ardeur, de cet esprit curieux, prime-sautier, impatient, capricieux, étendu, passionné — passionné et paradoxal peut-être, ce qui appartient aux esprits d'initiative — mais toujours net, lucide et piquant. Il faut voir M. Gretsch au milieu d'un cercle d'amis intimes, chez lui, par exemple, à sa table hospitalière, que couronne la plus charmante famille, et où manque rarement quelque convive cordial, il faut le voir là, ou plutôt l'entendre, dans le laisser-aller, je dirais presque dans le déshabillé de son esprit attrayant : que d'étincelles éblouissantes et qui pétillent ! que d'anecdotes piquantes, qui empruntent à sa parole caustique un nouveau charme ! que de mots, que de traits, que d'allusions imprévues ! . . . l'épigramme, lorsqu'elle s'échappe de ses lèvres narquoises et souriantes, est toujours finement aiguillée, mais n'a rien de cruel : seulement tant pis pour la sottise qui se présente à elle ; que voulez-vous, s'est le propre des gens d'esprit de n'aimer pas le sots : je m'en rapporte à nos lecteurs : les aiment-ils beaucoup ?

M. Gretsch manie également bien l'allemand et le français, mais en fait de langue étrangère, il donne sans contredit la préférence à celle-ci, dont il connaît merveilleusement les finesses et les ressources, et dont le caractère a de singulières analogies avec la tournure de son esprit; aussi ne craint-il pas de dire que l'étude de la langue française n'a pas été sans influence sur la connaissance qu'il a acquise de la sienne propre. On voit que M. Gretsch n'est pas de ceux qui font de la langue une question de patriotisme: il sait que la place du patriotisme est dans le cœur.

Voici une esquisse sans doute bien imparfaite de cette physionomie originale et vive d'un des hommes les plus réellement remarquables dans les cinquante dernières années du mouvement intellectuel de la Russie, et qui, comme on a pu le voir, y a dignement tenu sa place. Le lecteur voudra bien compléter ces lignes hâtives: il suffit qu'elles ne manquent pas de justesse.

Depuis plusieurs semaines les journaux avaient annoncé, avec la gracieuse et bienveillante autorisation de S. M. l'EMPEREUR, la célébration du jubilé semi-séculaire du doyen des hommes de lettres et des publicistes russes. M. l'amiral Ricord, M. l'aide-de-camp-général Rostovtsoff, MM. les conseillers privés Kniajevitch, Panaïeff et comte Tolstoï, ordonnateurs et directeurs de la fête, ouvrirent une souscription, qu'il fallut bientôt fermer, le nombre des signatures ayant dépassé celui des personnes que pouvait contenir la salle du festin.

C'était, comme je l'ai dit, le 27 décembre dernier: dès quatre heures de l'après-midi, commencèrent à arriver à la file devant le perron intérieur du vaste bâtiment du 1er Corps des Cadets, où devait avoir lieu la fête, les voitures et les traîneaux, élégants ou modestes, suivant la fortune ou la position de l'arrivant. Des officiers recevaient les convives au haut du splendide escalier: ensuite des officiers supérieurs les introduisaient dans une vaste salle où se confondaient dans un désordre pittoresque et charmant toutes les célébrités de la capitale, généraux, hommes de cour, savants, artistes, poètes, journalistes, libraires... C'était comme une fra-

ternité familière et de bon goût. Les étrangers se trouvaient là en petit nombre, cependant la France, l'Allemagne, la Suède, la Suisse, l'Italie, y étaient honorablement représentées.

Le héros de la fête arriva. Il fut aussitôt entouré, pressé, presque porté en triomphe : on pénétra sur ses pas dans la salle du festin. Le spectacle était magnifique. Les tables étincelantes de cristaux et de fleurs étaient dressées avec élégance : des flots de lumière s'échappaient des grands lustres attachés au plafond, et inondaient la vaste salle. M. Gretsch était placé au milieu de la table de droite, de manière à regarder le Portrait de l'EMPEREUR ; à sa gauche était M. le ministre de l'instruction publique et à sa droite M. le directeur de la Bibliothèque Impériale publique de St.-Petersbourg, consacrant ainsi dignement l'un et l'autre par leur présence cette belle fête des lettres, dont les nobles directeurs se trouvaient de l'autre côté de la table vis-à-vis du jubilaire, à l'exception toutefois de M. l'amiral Ricord, son ami intime, qu'une sérieuse indisposition avait retenu chez lui.

On avait eu l'heureuse idée d'élever sur l'un des côtés de la salle, et de manière à ce qu'elle la dominât, une estrade élégante bordée de plantes et de fleurs exotiques, derrière lesquelles on pouvait distinguer des robes et des chapeaux élégants, dont les couleurs soyeuses et chatoyantes donnaient à l'ensemble du tableau un charme infini. Il eût en vérité manqué quelque chose à la fête, si les yeux n'avaient pu se reposer sur ces massifs de fleurs, à travers lesquels on voyait rayonner tant de curieux et doux regards féminins. Là se trouvait entre autres la famille de M. Gretsch, sa sœur bien-aimée, ses filles, spirituelles et charmantes, sa bru également charmante et d'une beauté si remarquable.

Que dirai-je du dîner ? rien n'y manqua, ni la bonne chère, ni l'esprit, ni le bon vouloir des convives ; la joie et le vin circulaient à la ronde ; arriva le moment du champagne, ce compagnon français de toutes les fêtes, le champagne qui pétille et dénoue l'esprit, qui pétille et ouvre le cœur, et dispose l'âme aux élans enthousiastes... Les toasts étaient réglés

d'avance: d'abord, «S. M. l'EMPEREUR, S. M. l'IMPÉRATRICE, la Famille Impériale, l'Hôte Auguste du lieu, S. A. I. Mgr le Grand-Duc HÉRITIÈR, le gracieux Protecteur de toutes les Écoles militaires;» vinrent ensuite les toasts portés «à la prospérité de la Russie, à l'admirable armée russe, aux progrès intellectuels de l'Empire, enfin, au héros du festin, le spirituel, le digne et savant jubilaire.»

Est il besoin de dire les triples et quadruples salves de hurrahs qui accompagnaient ces santés, les transports et les cris qui se mêlaient joyeusement aux fanfares de cuivres retentissants... les battements de mains, le choc des verres et des assiettes, qui se mêlait à ce concert un peu confus de l'enthousiasme et des émotions de tous? . . . On décrit toujours froidement de pareilles choses: il faut les voir ou les imaginer, en se plaçant à leur point de vue.

Les toasts finis, un magnifique vase en vermeil, précieux par la matière et le travail, mais plus précieux par le souvenir qu'il devait perpétuer, fut offert au jubilaire ému. Ici une députation d'élèves du 1er Corps des Cadets vint le féliciter; des discours furent prononcés. Je ne saurais vous entretenir de celui de M. Gretsch: la foule qui formait un triple rempart devant lui me permit à peine d'en saisir quelques fragments. Je pus comprendre seulement qu'il y parlait de sa jeunesse, de ses parents, de sa chère et excellente mère. C'était nécessairement parler de lui, mais M. Gretsch ne le fit qu'avec modestie, en homme d'expérience et de cœur. Il s'abstint de nommer les vivants, à l'exception du comte Oubaroff, ancien ministre de l'instruction publique, et qui fut son bienfaiteur, et d'un brave bourgeois qui jadis était venu en aide à la fondation du *Fils de la Patrie*. Je ne dois pas oublier la distribution qui fut faite à tous les convives du 27 décembre de la biographie et du portrait du héros de la journée, ainsi que de quelques imprimés, parmi lesquels des vers de M. Zotoff à M. Gretsch; puisque je parle de vers, je veux citer la muse latine de M. Walther, muse savante, qui, elle aussi, a célébré dignement le doyen des lettres russes.

Et qu'il me soit permis en terminant de rappeler un souvenir, dût-il jeter une ombre de tristesse mélancolique sur la pure émotion de cette

fête; il y manquait deux témoins, deux jeunes gens, prématurément frappés par la mort, dont l'un était déjà même vaillamment entré sur les pas de son père, dans la carrière des travaux de l'intelligence, et qui, l'un et l'autre, eussent dignement perpétué son nom; mais Dieu ne lui a pas tout ravi, puisqu'il lui a laissé deux petits-fils, rejetons bien-aimés de sa chère famille. Que le Ciel seulement lui accorde assez d'années encore pour diriger leurs jeunes pas dans la route si souvent épineuse, et toujours si importante, de la première éducation.

Charles de Saint-Julien.

СТАТЬЯ АНГЛІЙСКАГО ЖУРНАЛА ¹⁾).

The Times, Thursday, December 14, 1854.

At the beginning of this month, in addition to the usual solemnities attached to the anniversary of the present Emperor's accession to the throne, St. Petersburg was to witness a jubilee in honour of the Staatsrath Nicolaus Iwanowitsch Gretsch, the editor of the *Northern Bee*. This individual adds to his many other valuable qualities of *homme de lettres* that of being one of the chief fomenters of the Russian hatred for the English, a specimen of which I will give directly. In recognition of his many merits, the Emperor has given orders for a magnificent present to be prepared for him, and his peculiar friends, through whose means he receives his instructions from the highest regions. Admiral Ricord, General-Adjutant Rostowzow, Geheimrath Panajew, Graf Tolstoi and Graf Knjasewitch, have undertaken to receive all the other presents intended to this champion of Russianism. According to Staatsrath Gretsch, the English are the most greedy of conquest, the most tyrannical and at the same time, the most narrow souled nation of shopkeepers in the world. Under the cloak of philanthropic or Christian

¹⁾ На колесницѣ римскаго триумфатора, стоялъ позади побѣдоноснаго полководца подлый рабъ, и старался обидными ругательствами умѣрить порывъ его самолюбія. Такъ и мы, послѣ выраженія чувствъ справедливости, уваженія и любви, помѣщаемъ изліаніе злобы и ругательствъ враговъ Россіи на одного изъ усердѣйшихъ слугъ ея, припомнивая умное замѣчаніе И. А. Крылова:

Въ томъ вѣрно толку нѣтъ, кого самъ хвалитъ врагъ!

undertakings England always pursues her own mercantile aims. As she finds in Russia an obstacle to these undertakings, nothing was more natural than that she should so shuffle the cards of politics as that the present conflict must necessarily arise. Let the dice that are now thrown turn up as they may, England must and shall moderate the cold calculating greed, that impels her to suck the globe dry for her own selfish ends. Should the Russian Cabinet, out of regard for its neighbours, for the present hold her hand, it will, as long as Russia and England exist, continue to be the task of the former, in the interest of all the nations of the earth, to restrain within bounds, or to destroy, the exhausting, draining policy of England.

ПЕРЕВОДЪ.

Въ началѣ настоящаго мѣсяца, въ добавленіе къ обыкновеннымъ торжествамъ, сопряженнымъ съ годовщиною восшествія на престолъ нынѣ царствующаго Императора, С. Петербургъ будетъ присутствовать на юбилей въ честь Статскаго Совѣтника Николая Ивановича Греча, издателя Сѣверной Пчелы. Это лице представляетъ, съ многими своими драгоценными достоинствами какъ литератора, одного изъ главныхъ возбудителей русской ненависти къ Англичанамъ, образчикъ чего я представляю немедленно. Въ подтвержденіе его многихъ заслугъ, Императоръ повелѣлъ изготавить великолѣпный подарокъ для него и его особенныхъ друзей, чрезъ посредство которыхъ онъ получаетъ свои инструкции отъ высшихъ властей. Адмиралъ Рикордъ, Генералъ-Адъютантъ Ростовцовъ, Тайный Совѣтникъ Панаевъ, Графъ Толстой и Графъ Князевичъ, взялись принимать у себя всѣ другія приношенія, назначаемыя для поборника *руссiанизма*. По словамъ Статскаго Совѣтника Греча, Англичане сильно жаждутъ завоеваній; это самая тирасская, и въ то же время самая бездушная во всемъ мірѣ нація лавочниковъ. Подъ личиною филантропическихъ или христіанскихъ начинаній, Англія постоянно стремится къ своимъ торговымъ цѣлямъ. Такъ какъ она встрѣчаетъ въ Россіи препятствіе этимъ предпріятіямъ, то весьма естественно, что она ставовала политическія карты такимъ образомъ, что по необходимости

возникло настоящее столкновение. Пусть нынѣ брошенные кости упадут по произволу, но Англія должна умѣрить и умѣрить холодную, расчетливую жадность, заставляющую ее высасывать до капли земной шаръ, для своихъ своекорыстныхъ выгодъ. Хотя бы въ настоящее время Россійскій Кабинетъ и протянулъ свою руку, изъ вниманія къ своимъ сосѣдямъ, однако, пока Россія и Англія существуютъ, назначеніе первой заключается въ томъ, чтобы, для выгоды всѣхъ народовъ на земномъ шарѣ, удерживать въ предѣлахъ, или уничтожить истощительную, разорительную политику Англіи.

ХІІ.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ ОСОБЪ,

ИЗЪЯВИВШИХЪ ЖЕЛАНІЕ УЧАСТВОВАТЬ ВЪ ЮБИЛЕИ.

Его Императорское Высочество, Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій.
Аленинскій, Коллежскій Совѣтникъ.
Алферовъ, Николай Дмитриевичъ, Коллежскій Совѣтникъ.
Алферовскій, Василій Абрамовичъ.
Амму, Петръ Федоровичъ, Вице-Адмиралъ.
Аммонинскій, Николай Петровичъ, Генералъ отъ Инфантеріи.
Анциферовъ, Петръ Петровичъ, Подполковникъ.
Амлетскій, Алексій Всеволодовичъ.
Анракинъ, Петръ Федоровичъ, Надворный Совѣтникъ.
Арбузовъ, Николай Алексѣевичъ, Коллежскій Ассессоръ.
Арсидтъ, Николай Федоровичъ, Тайный Совѣтникъ.
Аргамановъ, Семенъ Трофимовичъ, Дѣйстви. Статскій Совѣтникъ.
Атрыгановъ, Капитанъ-Лейтенантъ.
Баггевутъ, Карлъ Федоровичъ, Полковникъ. ●
Безанъ, Александръ Павловичъ, Генералъ-Адъютантъ.
Безанъ, Николай Павловичъ, Дѣйстви. Статскій Совѣтникъ.
Безанъ, Павелъ Павловичъ, Полковникъ.
Бессоновъ, Алексій Степановичъ, Надворный Совѣтникъ.
Безъименный, Михаилъ Алексѣевичъ.
Белетовъ, Владиміръ Николаевичъ, Статскій Совѣтникъ.
Бернгарди, Егоръ Дмитриевичъ.
Бларамбергъ, Ипполитъ Ивановичъ, Полковникъ.
Бобринскій, Графъ Алексій Алексѣевичъ, Надворный Совѣтникъ.
Богдановичъ, Модестъ Ивановичъ, Полковникъ.
Бодянский, Павелъ.

Вейковъ, Коллежскій Ассессоръ.
Волынгъ, Ив. А., Статскій Совѣтникъ.
Вроневскій, Дмитрій Богдановичъ, Генераль-Лейтенантъ.
Врѣловъ, Александръ Павловичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.
Вулгаринъ, Ѳаддей Венедиктовичъ, Статскій Совѣтникъ.
Вулгаринъ, Болеславъ Ѳаддеевичъ.
Вулгаринъ, Владиславъ Ѳаддеевичъ.
Вунинъ, Иванъ Петровичъ, Статскій Совѣтникъ.
Вурнашевъ, Владиміръ Петровичъ.
Вудкій, Николай Петровичъ, Капитанъ-Лейтенантъ.
Вальтеръ, Ѳедоръ Яковлевичъ, Коллежскій Совѣтникъ.
Вальцъ, Александръ Ивановичъ, Генераль-Лейтенантъ.
Варгунинъ, Александръ Ивановичъ.
Васильевъ, Коллежскій Совѣтникъ.
Ватацій, Александръ Ивановичъ, Полковникъ.
Вейшаринъ, Александръ Петровичъ, Флигель-Адъютантъ.
Великопольскій, Иванъ Ермолаевичъ, Маіоръ.
Велю, Баронъ Осипъ Осиповичъ, Генераль-Лейтенантъ.
Вильде, Густавъ Андреевичъ.
Вильцингъ, Егоръ Егоровичъ.
Висковатовъ, Александръ Васильевичъ, Генераль-Маіоръ.
Валковскій, Князь Дмитрій Петровичъ, Гофмейстеръ.
Веронскъ, Яковъ Владиміровичъ, Генераль-Лейтенантъ.
Вескобейшиновъ, Василій Кузмичъ, Надворный Совѣтникъ.
Востоконъ, Александръ Христофоровичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.
Гагаринъ, Князь Левъ.
Гаевскій, Семенъ Ѳедоровичъ, Тайный Совѣтникъ.
Гаевскій, Павелъ Ивановичъ, Тайный Совѣтникъ.
Гасфельдъ, Иванъ Петровичъ.
Гаучъ, Баронъ.
Гейденрейхъ, Богуславъ Богуславичъ, Академикъ.
Гейне, Максимилианъ Ивановичъ, Докторъ Медицины.
Глазенацъ, Готлибъ Александровичъ, Контръ-Адмиралъ.
Глинка, Ѳедоръ Николаевичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.
Голковъ, Николай Яковлевичъ, Коллежскій Совѣтникъ.
Голлицынъ, Князь Борисъ Дмитріевичъ, Капитанъ 2-го ранга.
Горайновъ, Алексѣй Алексѣевичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.
Госманъ, Андрей Логановичъ, Тайный Совѣтникъ.
Граббе, Павелъ Христофоровичъ, Генераль-Адъютантъ.
Григоревичъ, Василій Ивановичъ, Статскій Совѣтникъ.
Груберъ, Эваристъ Андреевичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.
Грунь, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ.
Демсзонъ, Петръ Петровичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.
Дениъ, Филиппъ Филипповичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.
Дерикеръ, Василій Васильевичъ.

Долгоруковъ, Князь Владиміръ Андреевичъ, Генералъ-Маіоръ.
Дубельтъ, Леонтій Васильевичъ, Генералъ-Лейтенантъ.
Дурневъ, Павелъ Дмитріевичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.
Евреншовъ, Алексій Петровичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.
Евреншовъ, Алекс. Алекс. Студентъ.
Есауловъ, Викторъ Павловичъ, Полковникъ.
Ждановъ, Семень Романовичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.
Ждановъ, хвникъ.
Желтухинъ, Владиміръ Петровичъ, Генералъ-Лейтенантъ.
Жиль, Флоріанъ Антоновичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.
Жирардъ, Ф. И., Полковникъ.
Заводовскій, Графъ Василій Петровичъ, Сенаторъ.
Зематиннъ, Дмитрій Николаевичъ, Сенаторъ.
Зедделеръ, Баронъ Николай Логиновичъ, Гв. Поручикъ.
Зейдлицъ, Полковникъ.
Зетовъ, Рафаилъ Михайловичъ, Статскій Совѣтникъ.
Зетовъ, Владиміръ Рафаиловичъ,
Зубовъ, Графъ Николай Дмитріевичъ.
Зубовъ, Алексій Николаевичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.
Ивановъ, Егоръ, Войсковой Старшина.
Игнатъевъ, Павелъ Николаевичъ, Генералъ-Адъютантъ.
Исаковъ, Яковъ Алексѣевичъ, книгопродавецъ.
Исаковъ, Василій Алексѣевичъ, книгопродавецъ.
Иохимъ, Карлъ Ивановичъ, художникъ.
Кабатъ, Иванъ Ивановичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.
Казинъ, Николай Глѣбовичъ, Вице-Адмиралъ.
Казначеевъ, Александръ Ивановичъ, Сенаторъ.
Калгинъ, почетный гражданинъ.
Камдаловичевъ, Николай Федоровичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.
Каришлевъ, Иванъ Петровичъ, Полковникъ.
Камаровскій, Николай Адамовичъ, Надворный Совѣтникъ.
Ковшневъ, Петръ Ивановичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.
Кисторъ, Баронъ Карлъ Хр., Коллежскій Совѣтникъ.
Классовскій, Владиміръ Игнатъевичъ, Коллежскій Совѣтникъ.
Клементъевъ, Никтополіонъ Михайловичъ, Тайный Совѣтникъ.
Кледтъ фонъ Юргенсбургъ, Баронъ Владиміръ Карловичъ, Генералъ-Маіоръ.
Кледтъ фонъ Юргенсбургъ, Баронъ Петръ Карловичъ, Статскій Совѣтникъ.
Кледтъ фонъ Юргенсбургъ, Баронъ Константинъ Карловичъ, Арт. Капитанъ.
Клишевичъ, Александръ Максимовичъ, Сенаторъ.
Клишевичъ, Владиславъ Максимовичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.
Клишевичъ, Максимъ Дмитріевичъ, Надворный Совѣтникъ.
Клишевичъ, Антонинъ Дмитріевичъ, Коллежскій Ассессоръ.
Ковалевскій, Евграфъ Петровичъ, Сенаторъ.
Ковш, Федоръ Алексѣевичъ.
Константиновъ, Константинъ Ивановичъ, Полковникъ.

Моршин, Геронимъ Дементьевичъ, Коллежскій Ассессоръ.
Морозъ, Баронъ Модестъ Андреевичъ, Дѣйств. Тайный Совѣтникъ.
Морозъ, Баронъ Николай Ивановичъ, Генералъ отъ Артиллеріи.
Морозъ, Баронъ Юлій Федоровичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.
Морозъ, Баронъ Федоръ Николаевичъ, Коллежскій Ассессоръ.
Мостемаревъ, Михаилъ Николаевичъ, Гв. Капитанъ.
Мочубой, Демьянъ Васильевичъ, Дѣйств. Тайный Совѣтникъ.
Мочубой, Александръ Васильевичъ, Дѣйств. Тайный Совѣтникъ.
Мочубой, Аркадій Васильевичъ, Тайный Совѣтникъ.
Красовскій, Александръ Ивановичъ, Тайный Совѣтникъ.
Красовскій, Иванъ Григорьевичъ, Генералъ-Лейтенантъ.
Кригеръ, Генералъ.
Крещъ, Федоръ Абрамовичъ,
Куликовъ, Николай Ивановичъ.
Курочкинъ, Иванъ Антоновичъ, Вице-Адмиралъ.
Курдюмовъ, Генералъ-Маіоръ.
Кусовъ, Николай Ивановичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.
Кусовъ, Иванъ Александровичъ, Полковникъ.
Кумановичъ, Александръ Яковлевичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.
Кушелевъ-Безбородко, Графъ Александръ Григорьевичъ, Тайный Совѣтникъ.
Кумининичевъ, Александръ Николаевичъ, Генералъ-Маіоръ.
Лазаревъ, Иванъ Якимовичъ, Камергеръ.
Лазаревъ, Христофоръ Якимовичъ, Камергеръ.
Лазаревъ, Павелъ Лазаревичъ, 9-го класса.
Лангъ, Генрихъ Ипполитовичъ, Коллежскій Ассессоръ.
Лаутенъ, Карлъ Ивановичъ.
Лебедевъ, Петръ Семеновичъ, Полковникъ.
Левостанскій, Коммерціи Совѣтникъ.
Левшинъ, Алексій Иракліевичъ, Тайный Совѣтникъ.
Лексъ, Михаилъ Ивановичъ, Тайный Совѣтникъ.
Лешкъ, Федоръ Ивановичъ, Коллежскій Совѣтникъ.
Линденъ, Константинъ Александровичъ, Полковникъ.
Липранди, Иванъ Петровичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.
Лисенко, Иванъ Тимофеевичъ, книгопродавецъ.
Лихонинъ, Орестъ Семеновичъ, Генералъ-Маіоръ.
Лобановъ-Ростовскій, Князь Николай Алексѣевичъ.
Лобановъ-Ростовскій, Князь К.
Ломовскій, Петръ Карловичъ, Генералъ-Лейтенантъ.
Лубиневскій, Федоръ Петровичъ, Сенаторъ.
Луцкиновичъ, Николай Александровичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.
Луцкъ, Константинъ Карловичъ, Капитанъ.
Маасъ, Гома Ефимовичъ, Вице-Консулъ.
Маіоръ, Александръ Леонтьевичъ, Тайный Совѣтникъ.
Малыгинъ, купецъ.
Мальцовъ, Иванъ Сергѣевичъ, Тайный Совѣтникъ.

Марковъ, Михаилъ Александровичъ, Полковникъ.
Масловъ, Дмитрій Николаевичъ, Полковникъ.
Медведъ, Баронъ Николай Васильевичъ, Генералъ-Лейтенантъ.
Мейнандоръ, Оттонъ Ивановичъ, Генералъ-Лейтенантъ.
Мендтъ, Карлъ Ивановичъ, Тайный Советникъ.
Меншиковъ, Павелъ Николаевичъ, Коллежскій Советникъ.
Миллеръ.
Миллеръ, негоціантъ.
Мироничъ, Фёдоръ Яковлевичъ, Генералъ отъ Инфантеріи.
Милорадовичъ, Александръ Григорьевичъ, Дѣйств. Статскій Советникъ.
Менсерауъ, Статскій Советникъ.
Мушинъ-Мушиничъ, Михаилъ Николаевичъ, Тайный Советникъ.
Мюссаръ, Евгенийъ Ивановичъ, Статскій Советникъ.
Неизвестный П. и А.
Неизвестныхъ двое.
Нейманъ, Полковникъ.
Нелобинъ, Александръ Петровичъ, Дѣйств. Статскій Советникъ.
Немьинскій, Петръ Фёдоровичъ, Полковникъ.
Никитинъ, Александръ Никитичъ, Статскій Советникъ.
Николаевъ, Алексѣй Николаевичъ, Коллежскій Советникъ.
Николаевскій, Павелъ Михайловичъ, Дѣйств. Статскій Советникъ.
Норонъ, Абрамъ Сергѣевичъ, Тайный Советникъ, Министръ Народнаго Просвѣщенія.
Обедовскій, Платонъ Григорьевичъ, Статскій Советникъ.
Одесовскій, Князь Владиміръ Фёдоровичъ, Дѣйств. Статскій Советникъ.
Особошнинъ, Коллежскій Советникъ.
Ольхинъ, Александръ Александровичъ, Полковникъ.
Очкинъ, Амилій Николаевичъ, Статскій Советникъ.
Павловскій, Дмитрій Михайловичъ, Полковникъ.
Павловскій, Генералъ-Маіоръ.
Павскій, Герасимъ Петровичъ, Протоіерей.
Палакинъ, почетный гражданинъ.
Павловъ, Владиміръ Ивановичъ, Тайный Советникъ.
Павловъ, Петръ Владиміровичъ, Коллежскій Советникъ.
Переславскій, Петръ Мироновичъ, Коллежскій Советникъ.
Персень, Иванъ Ивановичъ, Дѣйств. Статскій Советникъ.
Перцевъ, Эрастъ Петровичъ.
Плассинъ, Василій Тимофеевичъ, Статскій Советникъ.
Плодковъ, Алексѣй Фёдоровичъ, Статскій Советникъ.
Половой, Ксенофонъ Алексѣевичъ.
Политковскій, Владиславъ Гавриловичъ, Генералъ-Маіоръ.
Политковскій, Всеволодъ Гавриловичъ, Статскій Советникъ.
Половцовъ, Викторъ Андреевичъ, Генералъ-Маіоръ.
Поль, Петръ Ивановичъ, Дѣйств. Статскій Советникъ.
Понемаревъ, Пр. Ив.
Понемаревъ, Левъ Дмитріевичъ.

Именовъ, Гаврилъ Степановичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.
Иорюсъ-Визонурскій, Кн.
Востельсъ, Александръ Филипповичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.
Ирконовичъ-Антоновскій, Дмитрій Михайловичъ, Тайный Совѣтникъ.
Ирмишищниковъ, Федоръ Ивановичъ, Тайный Совѣтникъ.
Иутита, Дмитрій Васильевичъ, Генераль-Маіоръ.
Ианзей, Эдуардъ Андреевичъ, Генераль-Лейтенантъ.
Иашеть, Евгений Карловичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.
Иейсботъ, Павелъ Антоновичъ, Статскій Совѣтникъ.
Иеморъ, Николай Федоровичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.
Иенсоннакъ, Павелъ Карловичъ, Генераль-Маіоръ.
Иикердъ, Петръ Ивановичъ, Адмиралъ.
Иемановичъ, Василій Игнатьевичъ, Коллежскій Совѣтникъ.
Иеданко, Михаилъ Гавриловичъ, Статскій Совѣтникъ.
Иезицъ, Баронъ Иванъ Федоровичъ, Генераль-Лейтенантъ.
Иестенцовъ, Яковъ Ивановичъ, Генераль-Адъютантъ.
Иестенцовъ, Василій Ивановичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.
Иетчевъ, Александръ Гавриловичъ, Титулярный Совѣтникъ.
Июминъ, Владиміръ Николаевичъ, Гв. Штабсъ-Капитанъ.
Иъинскій, Косма Григорьевичъ, Тайный Совѣтникъ.
Иабуровъ, Андрей Ивановичъ, Тайный Совѣтникъ.
Иазанковъ, Академикъ.
Иалковъ, Александръ Николаевичъ, Титулярный Совѣтникъ.
Иамойловъ, Николай Степановичъ, Надворный Совѣтникъ.
Иамойловъ, Василій Васильевичъ.
Иамысловъ, купецъ.
Иамсо, Графъ Эдуардъ Александровичъ, Статскій Совѣтникъ.
Иаможниковъ, Андрей Петровичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.
Иаможниковъ, Александръ Александровичъ.
Иисотуповъ, Алексѣй Николаевичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.
Иисимовъ, Алексѣй Васильевичъ, Тайный Совѣтникъ.
Иисъ-Июльонъ, Карлъ Андреевичъ, Коллежскій Совѣтникъ.
Иисбиневичъ, Константинъ Степановичъ, Тайный Совѣтникъ.
Иисвербрикъ, Ефимъ Ивановичъ, Генераль-Маіоръ.
Иисденскій, Федоръ Федоровичъ, ключарь Казанскаго Собора.
Иисольничковъ, Генераль-Маіоръ.
Иисоцкій-Иихайловскій, Коллежскій Совѣтникъ.
Иисъльскій, Клизаръ Никитичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.
Иисельскъ, почетный гражданинъ.
Иисельскъ, почетный гражданинъ.
Иисандоршельдъ, Э. К. Гв. Капитанъ.
Иисембъ, Графъ Юлій Ивановичъ, Статскій Совѣтникъ.
Иисепановъ, Иванъ Сергѣевичъ, чиновникъ 6-го класса.
Иисепанъ, Густавъ Федоровичъ, Генераль-Маіоръ.
Иисруговичковъ, Александръ Николаевичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.

Струковъ, Генералъ-Маіоръ.
Сутковъ, Александръ Николаевичъ, Генералъ-Маіоръ.
Сухомлиновъ, Михаилъ Ивановичъ, Адъюнктъ-Профессоръ.
Таль, Яковъ Христіановичъ.
Тарасенко-Атрийковъ, Наркизъ Ивановичъ, Статскій Совѣтникъ.
Таубе, Фердинандъ Ивановичъ, Полковникъ.
Теликовскій, Аркадій Захаровичъ, Генералъ-Маіоръ.
Тининъ, Василій Федоровичъ, художникъ.
Тихоновъ, Константинъ Ивановичъ, Полковникъ.
Толстой, Графъ Федоръ Петровичъ, Тайный Совѣтникъ.
Толстой, Теофилъ Матвѣевичъ, Камеръ-Юнкеръ.
Трубочной, Князь П.
Туруновъ, Яковъ Николаевичъ, Коллежскій Совѣтникъ.
Турчаниновъ, Андрей Петровичъ, Статскій Совѣтникъ.
Ульрихъ, Федоръ Юліевичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.
Усовъ, Степанъ Михайловичъ, Статскій Совѣтникъ.
Усовъ, Павелъ Степановичъ, Коллежскій Секретарь.
Усовъ, Михаилъ Степановичъ, Коллежскій Секретарь.
Устреловъ, Николай Герасимовичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.
Устреловъ, Федоръ Герасимовичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.
Утинъ, Николай Ивановичъ, Надворный Совѣтникъ.
Утинъ, художникъ.
Федоровъ, Михаилъ Ивановичъ.
Федоровъ, Борисъ Михайловичъ, Коллежскій Совѣтникъ.
Фелдманъ, Константинъ Карловичъ.
Фернеръ, Павелъ Федоровичъ, Полковникъ.
Филлиповъ, Василій Павловичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.
Францъ, С. П.
Фрейгангъ, Петръ Ивановичъ, Генералъ-Маіоръ.
Фрицце, Юлій Федоровичъ, Статскій Совѣтникъ.
Фурманъ, Петръ Романовичъ.
Фусъ, Павелъ Николаевичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.
Хатовъ, Иванъ Ильичъ, Генералъ-Лейтенантъ.
Хетинскій, Матвій Степановичъ.
Христіани, Василій Христіановичъ, Тайный Совѣтникъ.
Цвѣтковъ, Василій Михайловичъ, Полковникъ.
Цукате, Графъ Николай Егоровичъ, Полковникъ.
Чекишевъ, Иванъ Гавриловичъ, Полковникъ.
Шактовъ, Александръ Венедиктовичъ, Статскій Совѣтникъ.
Шатоловъ, Александръ Карловичъ.
Шванвичъ, Дмитрій Никитичъ, Генералъ-Маіоръ.
Шлейхеръ, Францъ Карловичъ, Статскій Совѣтникъ.
Шлиссельбахъ, Баронъ Константинъ Антоновичъ, Генералъ-Лейтенантъ.
Штакелшнейдеръ, Андрей Ивановичъ, Статскій Совѣтникъ.
Штаглицъ, Баронъ Александръ Любимовичъ, Статскій Совѣтникъ.

Истиглацъ, Николай Борисовичъ, Статскій Совѣтникъ.
Ишуаловъ, Графъ П. Павл.
Ишугинъ, Иванъ Петровичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.
Ищупинъ, Николай Семеновичъ, Коллежскій Совѣтникъ.
Эвальдъ, Федоръ Федоровичъ, Статскій Совѣтникъ.
Зверский, Статскій Совѣтникъ.
Зессель-Стембокъ-Фермеръ, Графъ Яковъ Ивановичъ, Статскій Совѣтникъ.
Зорисичъ, Петръ Ильичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.
Юханцовъ, Николай Ивановичъ, Дѣйств. Статскій Совѣтникъ.
Изымовъ, Александръ Петровичъ, Генералъ-Маіоръ.
Илюбсонъ, Иванъ Давыдовичъ, Тайный Совѣтникъ.
Федоровъ, Павелъ Степановичъ, Статскій Совѣтникъ.

*PB-38848-SB

5-25

CC

B/T